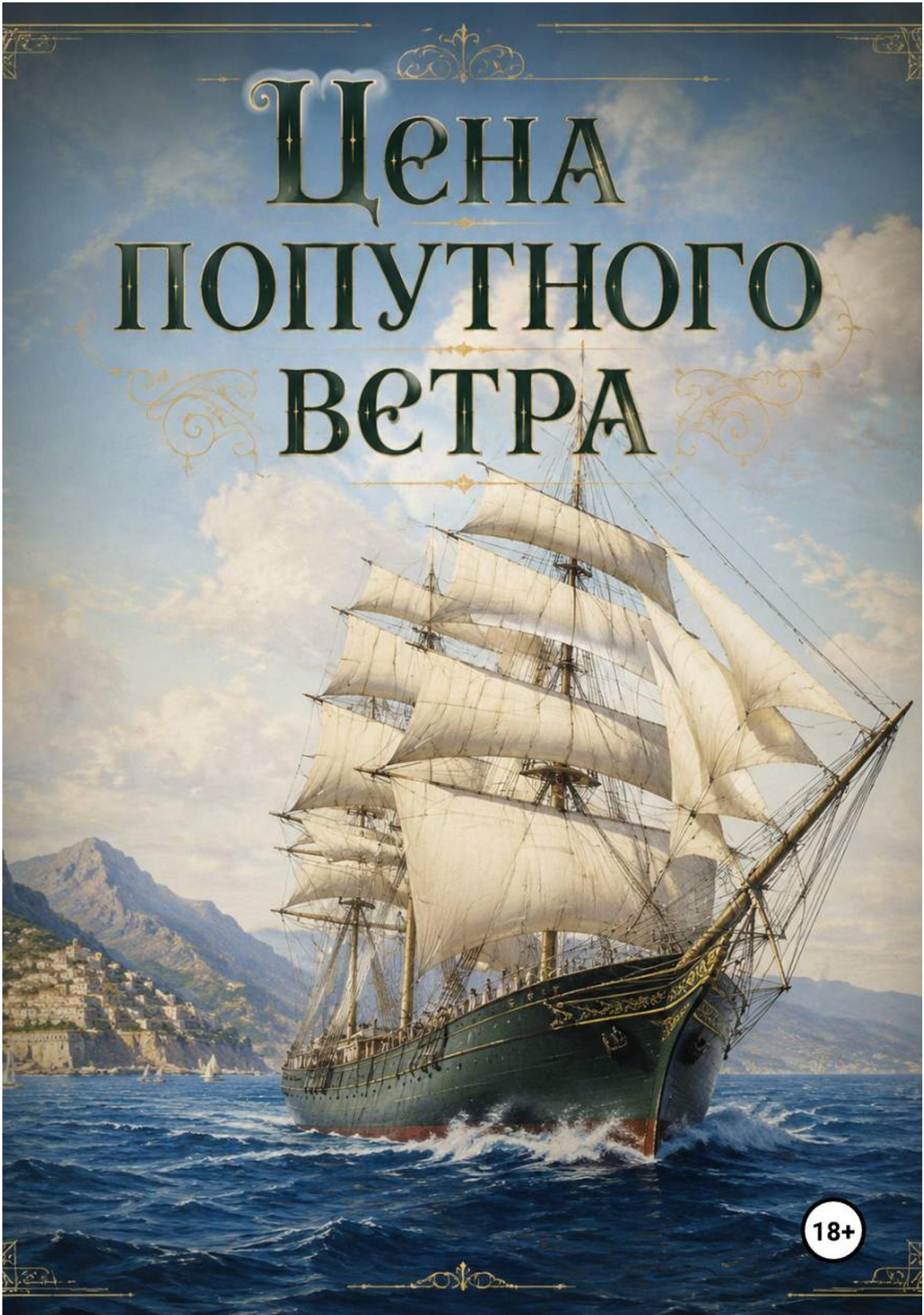
Цена попутного ветра



18+

Андрей Соколов

Цена попутного ветра

«Автор»
2026

Соколов А.

Цена попутного ветра / А. Соколов — «Автор», 2026

Маттео Бенедетти достались в наследство от отца процветающая судовладельческая компания и "Талия" - прекрасный чайный клипер, которому слишком тесно в Средиземном море. Юноша жаждет приключений - и он их получит гораздо больше, чем желал, когда его родное королевство Сольдано внезапно окажется втянуто в войну с соседями.

© Соколов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1 5
Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 15
Глава 4 19
Глава 5 23
Глва 6 27
Глава 7 33
Глава 8 37
Часть 2 42
Глава 9 42
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Андрей Соколов
Цена попутного ветра

Часть 1

Глава 1

В кронах пиний неуместно щебетали птицы; Маттео не знал их названий. Это не были наглые чайки или величественные буревестники, неизменные спутники мореходов. Сухопутные пташки, не желавшие разделять людскую скорбь.

– Requiem æternam dona ei, Domine, – разносился над кладбищем скрипучий голос отца Вито. Сутулый священник в поношенной сутане был, казалось, такой же частью пейзажа, как и пинии, как каменная ограда, как маленькая церковь Святой Марии, три сотни лет стоящая на холме над бескрайним синим морем.

– Et lux perpetua luceat ei

Море не было бескрайним. Маттео усвоил это от отца ещё ребёнком. С попутными ветрами он мог провести “Талию” до другого его края за пару дней. За неделю он мог вывести клипер на океанские просторы, а еще через месяц, может даже через 20 дней, лоцман бы уже заводил парусник в один из портов Нового Света.

Отец многому научил сына. Он оставил ему процветающую судовладельческую компанию, чьи суда возили на север мрамор, оливковое масло, вино и семена пиний, а обратно привозили зерно, текстиль и машины. Он оставил ему “Талию” – невыразимо прекрасный трехмачтовый клипер, самое совершенное судно в своем классе, способное поддерживать невероятную для парусника скорость даже с полным грузом в 650 метрических тонн. Он оставил ответственность за семью, за мать и сестру, за десятки подчиненных.

Он оставил его.

– Requiescat in pace.

Смерть – естественный спутник жизни. Смерть – это не костлявая старуха из детских страшилок. Смерть – это опрокидывающий судно вал. Это скалы, прячущиеся на мелководье темной ночью. Это порыв ветра, который сбрасывает тебя со стеньги, когда ты вместе с товарищами пытаешься взять рифы на парусе, дабы смерть не пришла ко всем вам. Это тесаки, пистолеты и пушки морских разбойников, желающих поживиться за твой счёт. Это непонятные болезни, которые ты подхватываешь в далеких землях, и судовой врач лишь бессильно разводит руками.

А иногда смерть – тихая и неожиданная. Просто сидел мужчина за столом, встал, упал и больше не поднялся. “Удар хватил”, – заключил синьор Скьявоне. – “Иные выживают, а вот синьора Бенедетти призвали на небеса всего-то в 52 года”

“Amen”.

Плакать в голос – для женщин. Мужчине дозволено на людях уронить несколько слезинок, не больше. Стучат о крышку гроба горсти сухой глинистой земли. Стучит сердце. Словно в насмешку и не в такт гулко стучит внизу, в гавани, копер, забивающий сваи для нового здания таможни.

– Маттео, ты как? – звучит привычный голос, отрывая от мыслей. Привычное лёгкое прикосновение тонких пальцев к плечу. Привычный, почти домашний запах. Привычный шелест юбок.

Марианна Феррара. Старшая дочь Гоцци Феррара, шкипера “Сан-Сесилии”, 400-тонной бригантины, второго по размерам судна во флоте семьи Бенедетти.

Когда-то давно, рассказывают старики, жили-были двое сорванцов, Беттино и Гоцци. Оба грезили морем, оба рано подались в торговый флот. Одному повезло больше, другому – меньше, но годы спустя друзья стали работать вместе. Не столько как начальник и подчиненный, сколько как старший и младший партнеры.

Бенедетти везло в бизнесе, но семейные дела оказались тяжким испытанием. Первая жена и трое маленьких детей умерли от холеры. Беттино женился второй раз, родились Маттео, а потом Катерина. Феррара долго ходил холостяком, но на четвертом десятке всё же обзавелся семьей, и вошёл во вкус. Шесть детей, Марианна – старшая.

Они росли вместе – в те времена, когда Маттео бывал дома, а не ходил с отцом вначале на старушке “Нуова Фортуна”, а потом и на “Талии” к чужим берегам. Куда Маттео, туда и Марианна.

Но не бездумно. Марианна боится высоты, и Маттео, который на грот-брам-стеньге первый раз побывал на отцовских плечах в три года, не тянет ее ни по деревьям лазать, ни кидать в море камни с отвесных скал. Марианне нужно помогать матери заботиться о младших братьях и сестрах, и значит весь выводок дружно семенит на своих коротеньких ножках, спотыкаясь, но не плача, за старшими ребятами. У юнги Маттео всегда есть в запасе удивительные истории и чудесные сувениры из далеких земель.

Соседские пацаны дразнятся “жених и невеста”, а толку-то дразниться, когда это само собой очевидно? Вот исполнится Марианне 18, и обвенчают их в той же самой церкви, в которой венчали их родителей, и в которой только что отпевали отца Маттео. Хорошая партия.

Да, Маттео уже подростком дома не бывал, но такова его моряцкая душа. Так он зарабатывает на жизнь. Он в свои 20 уже и помощником капитана на “Талии” ходил за океан, и “Левантом”, даром что крохотный 70-тонный полакр, в самостоятельных плаваниях командовал.

Да, Марианна не из тех девушек, на ком задерживается взгляд. Не уродина, зачем её обижать? Но лицо простенькое, огня в глазах нет. Фигура приятная, без модной среди знати худобы, но и не толстушка. Но всё равно даже когда снились смутные сны о женщинах, не тянулись к ней губы и руки. Тихая, скромная, домовитая и неглупая. Хорошая жена для моряка.

Жить без любви? Многие живут долго и счастливо. Любовь – для книжек, которые читают на досуге праздные богатеи. Если есть в сердце Маттео место для любви, то к морю и к “Талии”.

Маттео поймал себя на том, что задумался. Шкипер должен решать быстро, купец должен уметь слушать собеседника. Теперь уже нельзя расслабляться, нельзя ошибаться.

– Спасибо за то, что поддерживаешь, Марианна. Справлюсь. Дел столько, что некогда лить слёзы. Надо принимать дела, договариваться о новых фрахтах, решать, стоит ли “Левант” тимберовки или пора его уже продать на слом, – вежливо ответил Маттео.

Девушка понимающе кивнула. Они жили в одном мире, она знала о том, что жизнь судовладельца полна хлопот и забот.

– Маттео, – Марианна замялась. – Иногда… Иногда нужно просто поговорить. Просто посидеть в тишине вдвоем с бутылью вина. Я помню, как папа тайком ревел как ребёнок, когда умерла бабушка.

– Спасибо за предложение. Возможно позже. Когда будет время, – сухо кивнул новоявленный судовладелец.

На похороны Беттино Бенедетти пришли многие. Коллеги-судовладельцы, друзья из торгового флота, подчиненные, родня. У отца были враги, были завистники, как и у любого успешного человека. Но были и те, кому он помог, кому дал работу и цель в жизни, кого научил

любить море. Были и те, для кого он не был синьором Бенедетти, а просто старым добрым Беттино – кузеном, дядей, другом, а иногда и партнером по брисколе.

Маттео многих из них знал с детства. И на кладбище, и на поминках он выслушал много теплых слов. Он выпил больше вина, чем нужно, и уснул на неразобранной постели тяжелым, неприятным сном.

Раннее утро встретило его волшебным запахом матушкиного кофе, разносившимся по дому. В доме Бенедетти была прислуга, но кофе ей варить не доверяли.

Маттео проигнорировал горячую воду, приготовленную для умывания Бертрамом, одним из них, и накачал из колонки во дворе ведро обжигающе холодной. Она смыла остатки сна без сновидений, а от похмелья юный организм, уже познакомившийся за годы моряцкой жизни с коварством вина и более крепких напитков, не страдал.

Семья собралась за столом, но место главы пустовало. Не впервой – мужчины Бенедетти проводят жизнь в море, оставаясь гостями в собственном доме. Маттео поймал взгляд матушки, указывающий ему на стул с высокой резной спинкой у торца стола, но отказался. Сказать по правде, он не хотел занимать это место не только из уважения к памяти отца. Покойный был низкорослым, и мебель для себя заказывал соответствующую, а Маттео вымахал так, что в низеньких каютах торговых судов сгибался чуть ли не в земном поклоне. Сидеть на не подходящем по росту стуле во главе стола было бы нелепо.

Матушка прочитала краткую молитву, и они втроем приступили к завтраку. Главной его составляющей был, конечно же, крепкий черный кофе. Его аромат пробуждает чувства, а горький вкус напоминает разуму о том, что жизнь не так проста, как кажется безмятежным утром, пока утренние лучи Солнца красят в нежные цвета черепицу городских крыш. Она жесткая, как летняя жара в полдень.

Помимо этого, на столе стоял омлет, свежевыпеченный хлеб, тонко нарезанный сыр и салями. Сладкоежка Катерина как обычно налегала на свой любимый джем из инжира, который никто больше дома не ел. Маттео, которому доводилось в дальних плаваниях есть галеты, в которых червей было больше чем теста, всегда радовался горячему домашнему хлебу.

Но предстоящие дела его не радовали. Сегодня синьор Мартинелли, нотариус, должен был начать процедуру передачи дел от покойного судовладельца наследнику.

Обычно в права наследования вступали через 40 дней. Но закон королевства делал исключение для предприятий, которые не могли существовать без законного владельца. Маттео настоял на срочности – нужно было не просто заниматься рутиной, предстояло принимать важные решения.

Он распрощался с матерью и сестрой и отправился в контору. Утреннее солнце было не по-зимнему ярким и теплым. Маттео страдал в траурном шерстяном костюме. Как бы хотелось переодеться в матросскую блузу и расклешенные брюки, нацепить на голову соломенную шляпу и чувствовать на коже соленый морской ветер!

Увы, его ждала душная и пыльная контора, где знакомые клерки здоровались с молодым господином тише обычного, тяжело вздыхая от воспоминаний о вчерашних похоронах.

Синьор Мартинелли уже ждал в кабинете директора вместе с секретарем Ломбардо и старшим бухгалтером Батальей. Нотариус – мрачный, сухопарый, средних лет, явно страдающий от избытка желчи – поприветствовал Маттео не идущим ему высоким голосом. Баталья – обычно жизнерадостный, несмотря на исключительно скучное занятие полноватый немолодой мужчина – тяжело вздыхал. Ломбардо – юнец лишь на пару лет постарше Маттео, вылетевший из университета за внезапную и безобразную драку на почве ревности – старался не выделяться на фоне шкафов с бумагами и навигационных карт на стенах.

Последовали долгие, занудные, пахнущие чернилами, бумагой и пылью часы, полные кропотливой сверки тяжелых книг с финансовыми записями, контрактов, векселей и долговых обязательств. К обеденному времени удалось справиться от силы с четвертью необходимых

документов. Синьор Мартинелли, к несчастью, обладал очень слабой памятью на цифры, и раз за разом перепроверял одни и те же бумаги, чтобы убедиться в том, что всё сходится.

Сверка документов и передача дел растягивалась дня на два. Маттео, который в общих чертах был в курсе ситуации в компании, рассчитывал управиться несколько быстрее. Но допускать ошибки ему хотелось ещё меньше.

Юноша пригласил Мартинелли и Баталью отобедать в траттории неподалеку (Ломбардо чином не вышел сидеть за одним столом с ними), но оба внезапно отказались и предложили снова встретиться через час. Маттео решил, что он успеет вернуться домой.

По пути он купил у разносчика свежую газету, про которую забыл с утра. Дома, за маринованными овощами, каппеллетти в бульоне, дзампоне, легким белым вином и мягким сыром, он небрежно пробегал глазами свежие новости, пока неожиданно на шестой полосе не наткнулся на перепечатку из английской газеты:

“Громкое извещение! Достопочтенным господам судовладельцам и отважным капитанам.

Великая чайная гонка из Китая в Лондон!

Сим объявляется, что с наступлением сезона сбора благородного чайного листа в порту Фучжоу, открывается состязание неописуемой важности и чести.

Всем ревнителям морской славы и обладателям быстроходных судов предлагается явить доблесть своих парусов в деле скорейшей доставки сего драгоценного груза в порт Лондона.

Тот мореплаватель, чье судно первым коснется причала и чьи тюки с чаем нового урожая первыми предстанут пред очами достопочтенных купцов Сити, удостоится следующих милостей:

Эксклюзивный Договор: Исключительное право на перевозку чая для нужд торгового дома “Уинтроп и сыновья” сроком на пять лет.

Золотая Премия: весьма значительная сумма наличными фунтами стерлингов, выплачиваемая сверх обычной фрахтовой ставки.

Неувядаемая Слава: Имя корабля и капитана будут вписаны золотыми буквами в летопись британского мореходства.

Спешите, ибо ветры не ждут медлительных, а вкус свежего чая не терпит промедления!

К участию допускаются лишь суда, обладающие превосходной оснасткой и надежной командой.

Время прибытия будет зафиксировано портовыми смотрителями с наивысшей точностью.

Всякая задержка в пути лишает права на Главный Приз.

Да благословит Господь вас и наполнит паруса попутным ветром!

Контора Г-на Уинтропа и Сыновей, Лондон.”

“Уинтроп и сыновья” были одним из самых богатых и влиятельных торговых домов Великобритании – империи, чье влияние было всеохватывающим. Победа в такой гонке могла бы вывести имя Бенедетти на совершенно новый уровень. “Талия”, построенная по последнему слову кораблестроения на английской верфи, вполне могла поспорить с самыми быстрыми клиперами мира.

Обычно влезть в чайную торговлю было невозможно из-за эксклюзивных прав островитян. Но раз англичане сами приглашают желающих из других стран, то почему бы не поучаствовать?

Маттео не доел обед. Он почти побежал в контору, где заставил Ломбардо отправить срочную телеграмму в Лондон с запросом деталей гонки. Не дожидаясь ответа, он велел вто-

рому помощнику Марчетти начать подготовку к дальнему плаванию. Если синьор Мартинелли не затянет дела, то уже послезавтра с отливом “Талия” могла бы выйти в море.

Глава 2

Ответную телеграмму доставили в контору уже на следующий день. Такой скорости Маттео от британцев не ожидал. Предложение “Уинтропа и сыновей” оказалось неожиданно щедрым.

Во-первых, для участия в гонке требовалось только одно – в конце мая быть в Фучжоу на судне, способном перевезти хотя бы несколько сотен тонн чая, с гарантийным письмом от британского посла, консула или директора банка.

Во-вторых, “Уинтроп и сыновья” обязались заплатить по рыночной ставке фрахта за весь доставленный в целостности груз, невзирая на время прибытия в Лондон.

В-третьих, иностранные участники гонки не обязаны были идти в Китай в балласте. Они могли, на свое усмотрение, взять фрахт у торгового дома, или же привезти собственные товары и продать их на месте через агентов мистера Уинтропа. Конечно же такая сделка подразумевала комиссионные торговому дому, а возможно и взятку агенту. Но сам факт торговли с Китаем мог бы поднять репутацию судовладельца до небес.

Эта загадочная восточная страна, правитель которой никогда не показывался перед своими подданными, а всеми делами заправляли притворно вежливые чиновники с длинными косами и в расшитых золотом халатах, могла бы предлагать немало предметов роскоши. Чай, шелк, фарфор – только выбирай!

Каждый ящик уцелевшего в пути фарфора легко давал 60-70% прибыли. Качественный, не пострадавший при перевозке чай можно было продать на Туманном Альбионе в 2,5 раза дороже закупочной цены. А груз шелка европейские контрагенты были готовы брать втридорога. Буквально. Он все равно был при этом лучше и дешевле французских поделок.

Однако никакого интереса к внешней торговле люди из Китая не испытывали. Пушки британских эскадр и штыки морской пехоты до некоторой степени изменили эту политику. Конечно, торговля с Китаем остается привилегией закрытого клуба торговых домов и аффилированных с ними частных судовладельцев. Но, видимо, спрос настолько превышает предложение, что они готовы привлекать для перевозок даже избранные иностранные суда.

Подобные мысли не выходили из головы Маттео всю вторую половину дня, мешая сосредоточиться на других делах. Конечно, дело было не только в прибыли и репутации торговца. Он не обманывал себя, это было просто удобное оправдание – деловая возможность, которая случается не каждый год.

Настоящей причиной его восторга и пробудившегося энтузиазма была мечта, видение. “Талия” на полном ходу, под облаком белых парусов, мчится по бескрайнему океану, подгоняемая ветром в полный бакштаг. Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать узлов – кто точно знает, насколько может разогнаться клипер? Отцу удавалось выжать из нее четырнадцать с половиной узлов – далеко не предел.

Осенью клипер прошел очистку дна в сухом доке. Паруса и такелаж не совсем новые, но достаточно прочные. Команда опытная, хорошо знает судно. Можно взять ещё несколько человек, дабы подстраховаться от возможных несчастных случаев и болезней.

Так получилось, что Маттео родился в открытом море, рос в порту и с детства больше времени проводил на борту отцовских судов, чем на суше. Его знания древних языков, классической литературы, философии и Закона Божьего не делали чести молодому человеку из состоятельной семьи. Зато он умел делать в уме тригонометрические вычисления, необходимые для расчета курса. Досконально знал географию и астрономию. Мог управлять кораблем, работать с парусами и такелажем, знал основы плотницкого дела. Читал чертежи как открытую книгу. Умел командовать людьми, вести переговоры, торговаться как цыган, сбывающий на ярмарке поддельное золото. Был до мозга костей моряком.

А какой моряк не хочет отправиться в далекие страны, пронестись по волнам будто птица? Какой моряк не любит слушать, как поет ветер в парусах, как он играет натянутым такелажем, будто перебирает струны мандолины? Какой моряк не вдыхает полной грудью пропитанный солеными брызгами воздух открытого океана?

Рационально Маттео понимал, что это – весьма рискованная затея. Но с каждой минутой его всё больше захватывала романтика дальнего плавания.

Он дошёл до Старой гавани, где у их собственного причала снаряжалась “Талия”. Поднялся на борт, проверил как идут дела. Это не было лишним. Симон Марчетти, в отсутствие капитана и первого помощника командовавший судном, был исключительно компетентным потомственным моряком. Но был у него существенный недостаток – до тех пор, пока ситуация не становилась критической, он никогда и никуда не спешил. Его приземистая округлая фигура, казалось бы, вообще не приспособлена для спешки. Впрочем, когда “Талии” угрожала опасность, действовал он решительно и эффективно.

Маттео начал с того, что поздравил Марчетти с повышением до первого помощника. Оба понимали, что это вынужденное: юноша сам невольно оказался повышен до капитана после смерти отца. Он лично объяснил своему заместителю причину спешки.

Они стояли на юте и смотрели на то, как на город опускается ночь. Нехарактерное даже для тирренского января тепло сменилось вечерним холодом. Шум в торговой части порта потихоньку затихал, однако его сменяли нестройные звуки скрипки и тамбурина из таверны неподалеку. Поодаль, в Новой гавани, зажглись огни на стоявшем на бочке огромном, угловатом будто утюг “Сан Джованни” и дежурившем на внешнем рейде паруснике. Кажется, это был “Ардито” – старенький деревянный шлюп, показавшийся бы крохотным и неуклюжим рядом со стремительной красавицей “Талией”.

– Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой, шкипер, – проворчал Марчетти. – С чего бы англичанам пускать нас туда, где у них сейчас монополия?

– Я так думаю, что у них дефицит быстроходных транспортов. Большинство их торговых судов строится ради дешевизны перевозок, а не скорости.

– Для чего им скорость? Это же невыгодно”, – Марчетти раскурил короткую трубку. Маттео поморщился. Он не любил табачный дым.

– Дело в столь любимом ими чае. Если ты не знаешь, это сушеные листья.

– Шкипер, я не маленькая девочка в колыбельке, – усмехнулся первый помощник. – Я даже пил эту гадость. Вкус как у лекарственного отвара, которым пичкали в детстве.

– Как ты можешь догадаться, при длительной перевозке морем сушеные листья чая в трюме намокают и портятся. Чай теряет в качестве. Вообще, чем он свежее, тем лучше. Поэтому английские богачи готовы платить огромные деньги за свежий чай. Кто мы такие, чтобы не заработать на этом?

Шкипер и первый помощник спустились в трюм. Там, как всегда, было довольно-таки сыро. Возможно, нужно улучшить вентиляцию и позаботиться о том, чтобы во время дождевых шквалов и сильных волн туда попадало меньше воды?

– Чужаки из крохотного королевства, которое островитяне даже на карте не отыщут? Где гарантия, что они будут играть честно?

– Марчетти, мы же не с дикарями собираемся иметь дело, а с торговым домом, существующим уже более полувека. Если бы они были ненадежными партнерами, давно бы разорились

– Предположим. Но гонку мы вряд ли выиграем. Мы не знаем восточные воды. Какие там ветра и течения? Мы читали об этом в книгах, но своего опыта нет. Молодая лошадь может быть резвой, но если у нее нет опыта, на скачках она проиграет

– Хороший аргумент. Значит нам придется учиться по ходу дела. Да и даже если не выиграем, это может быть весьма выгодный рейс. Как думаешь, что нам взять для торговли с Китаем?

– Ходят слухи, что единственный товар, от которого они никогда не отказываются – серебро в слитках.

– Где мы и где серебро…, – вздохнул Маттео

Тонкости королевской финансовой политики до простых арматоров не доходили. Но даже неграмотные нищие знали, что сольданская лира искусственно переоценена. Серебра в одной монете было хорошо если на 13 сольди из 20 положенных.

– По нынешним ценам на серебро проторгуемся, – кивнул старпом после очередной затяжки. – Но у меня есть идея. Говорят, у британцев есть в портовых городах Китая свои кварталы. Как они говорят, сеттльменты. Может быть привезти что-то для них?

Маттео понимающе усмехнулся:

– Вдали от дома, посреди чужой страны, чего желают британские джентльмены? Вина! Уж в этом мы в Сольдано разбираемся.

Вино – один из главных экспортных товаров королевства. От дешевого резкого молодого до изысканных выдержанных сортов – на любой вкус и кошелек. Бенедетти вели дела с несколькими крупными виноторговцами, так что проблем с товаром не возникнет.

Маттео вернулся домой поздно, наспех перекусил холодным ужином и почти сразу же лег спать. Во сне он летел над волнами будто альбатрос. Впрочем, этот сон не был пустой фантазией – всего через несколько недель он мог сбыться.

Насчет двух дней на подготовку он, конечно же, поторопился. “Талия” не была военным кораблем, обязанным выйти в море навстречу врагу по приказу, невзирая на оставленных на берегу недотеп. Снаряжение к дальнему плаванию растянулось на неделю с лишним.

Это дало время для решения всех формальностей с наследством. Управлять текущими делами на время отсутствия Маттео – плавание туда и обратно должно было занять не меньше полугода – он поручил Сеттимо Бальбо. Пожилой шкипер, несколько лет уже не выходивший в море из-за больных ног, обладал недюжинной деловой хваткой и обширными связями. Отец, правда, предупреждал, что его старый товарищ обладает не в меру цепкими руками, к которым вечно прилипает больше денег, чем положено. Поэтому Баталье было поручено внимательно следить за делами управляющего.

Хотя Маттео не распространялся о своих планах, но слухи в Ривальте расходятся быстро. Вечером третьего дня, когда он собирался возвращаться с “Талии” домой (обсуждали с Марчетти, как лучше всего загрузить трюмы для сохранения правильного дифферента на всем протяжении плавания), он заметил на пристани Марианну.

Вид молодой девушки в вечернем порту никого не удивлял. Все знали шкипера Феррара и его дочь. Даже местный дурачок, побирушка Сельсо Вымой-Рот, известный на весь портовый район своим искусством нецензурной брани, при ней держался подобающе. Помогали, конечно, и регулярно перепадавшие ему несколько денаро милостыни или краюха домашнего хлеба, которые сердобольная девушка не забывала брать с собой для нищего.

– Добрый вечер, Марианна, – поприветствовал Маттео подругу. – “Сесилия” ещё не пришла. Наверное, завтра вернется.

Девушка улыбнулась в ответ. Она не хуже самих моряков знала, сколько времени должен занять тот или иной рейс.

– По моим расчетам тоже так выходит, – ответила она. – Я хотела бы тебя повидать, если найдется для меня минутка.

– Разумеется. Давай пройдемся до твоего дома, поговорим.

– С удовольствием, Маттео.

Зрелище Маттео и Марианны, неторопливо идущих по вечерним улицам, тоже никого не удивляло. И не давало повода для сплетен даже самым отчаянно скучающим кумушкам.

Девушка некоторое время молчала, но потом набралась храбрости и спросила, наклонив голову вполоборота:

– Маттео, ты правда хочешь отправиться в Китай?

– Да. Лондонский торговый дом ищет быстроходные суда, которые могут возить чай нового урожая. Будет гонка клиперов. “Талия” по своей природе чайный клипер, грех было бы не дать ей возможность покрасоваться перед британскими сестрами во всей красе.

– Ты говоришь, будто аристократ, выводящий в свет младшую сестру

– Это огромная честь – командовать таким судном. Оно воплощает всё лучшее, что есть в парусниках. Сочетание опыта поколений мореходов и самых последних достижений инженерной науки. Ни один пароход не сравнится с чайным клипером

– Хотелось бы мне как-нибудь выйти в море вместе с тобой на “Талии”

– Когда-нибудь. Но не в этот раз, сама понимаешь. В такое дальнее плавание я не могу брать пассажиров.

Марианна сделала паузу, набираясь храбрости.

– Маттео, это “когда-нибудь” вообще наступит?

– О чем ты, Марианна? – искренне удивился юноша.

– Плавание в Китай займет год

– Ты что, гораздо меньше. Месяцев девять максимум.

– Всё равно. В июне мне исполнится 18. Как раз на Непорочное сердце мы бы могли обвенчаться.

Маттео вздохнул. Он искренне не понимал, зачем спешить в таких делах. Их брак и без того был предопределен в раннем детстве.

– Марианна. Какая разница, когда мы обвенчаемся? Всё равно это неизбежно. Ты же понимаешь, что рейс в Китай принесёт такие прибыли, которые никогда не заработать на перевозках вина и оливкового масла?

– Понимаю, – кивнула девушка.

– Привезу тебе небесно-голубого шелка, будет такое платье, что дворцовые модницы завидовать будут.

– Обещаешь? – тон Марианны вдруг стал игривым, большая редкость для обычно тихой и рассудительной девушки. – Слово арматора?

– Слово арматора. Привезу в подарок лучший небесно-голубой шелк.

Маттео про себя усмехнулся. Он не пообещал, что это будет материя для свадебного платья. Просто дорогой подарок. Марианна его заслуживала. Как и матушка, как и Катерина.

От предложения зайти в гости Маттео отказался, хотя в доме Феррара ему всегда были рады. Но разговор получил неожиданное продолжение в гостиной родного дома, где матушка и Катерина коротали вечер, играя в карты.

– Марианна тебя нашла? – уточнила матушка, оторвавшись от игры.

– Она заходила недавно, искала тебя, – ухмыльнулась Катерина.

– Да, она была в порту, я её проводил домой, – ответил юноша, присев на край одного из кресел. Матушка очень не любила, когда ей во время разговора с сыном приходилось задирать голову. – Пообещал ей привезти из Китая голубой шелк.

– Голубой ей пойдет. Ещё у неё есть очень красивое ожерелье. И надо будет к нему в пару подарить ей диадему из золотой нити. С жемчугом, – неожиданно поддержала тему Катерина.

– Жемчуг, думаешь? Может с сапфиром посредине? Хотя ты права, Катерина, жемчуг будет смотреться лучше. Поговорю с синьором Абраванелем. Спешка ни к чему, но и затягивать не нужно, – матушка продолжала говорить с сестрой на плохо понятном Маттео языке. – Когда ты планируешь вернуться?

– Если все пройдет идеально, в конце сентября. В худшем случае – к Рождеству.

– Значит ориентироваться надо примерно на Пресвятую Деву Марию Розария, не раньше.

– Матушка, о чем речь? Я даже не помню, когда этот праздник.

– Первое воскресенье октября. Обвенчаетесь в субботу перед ним.

– А, это… Не понимаю, к чему такая спешка. Мне только 20, Марианне еще даже 18 не исполнилось. Возможно, найдется более подходящая партия.

Матушка посмотрела на парня с жалостью, сестра – презрительно.

– Для неё – не найдется. Всё королевство знает, что вы помолвлены. А для тебя… разве что по дури молодецкой подцепишь за морем какую-нибудь красотку, и будешь потом страдать всю жизнь.

Маттео вздохнул. Матушка будто бы забыла, что в Ривальту она сама переехала только после замужества. Выросла она в итальянском квартале Марселя, где её отец держал аптеку.

Глава 3

“Талия” сидела в воде ниже, чем было по вкусу Маттео. Хотя ее экипаж насчитывал всего 35 человек, но припасов взяли много. Королевство Сольдано не враждовало с Великобританией или Францией, но не было и их союзником. Поэтому в портах на пути в Китай, принадлежавших этим двум империям, они вряд ли могли рассчитывать на первоочередное получение запасов.

Самым сложным этапом подготовки оказалось получение гарантийного письма. Посланник Лондона при дворе короля Франческо V сэр Артур Пелэм поначалу даже не захотел принимать аборигена. Однако его секретарь мистер Бэринг оказался более понятливым. Особенно хорошо он понимал, сколько может запросить в безвыходной для собеседника ситуации за услуги посредника.

Маттео пришлось отправляться в банк – кто же держит при себе наличными триста лир? Увесистый мешок серебра помог решить вопрос, и на следующий день юноша уже держал в руках собственноручно подписанное сэром Пелэмом письмо с печатью посольства, заверяющее в том, что предъявитель сего является благонадежным и благонамеренным судовладельцем и шкипером, не ведущим никаких дел во вред британской монархии и её подданных.

Он подумал и всё-таки купил в Мореходном и Торговом банке несколько серебряных слитков. При номинальной цене в 200 лир каждый обошелся в 312.

“Ходят слухи, что Казначейство будет менять лиру. Мол, старые монеты очень износились за два десятка лет хождения”, – доверительно шепнул клерк в банке. – “Только знаем мы, чем такая замена заканчивается. Опустят пробу до 12 карат, и лирой можно будет только в камешки играть”

Маттео тогда только кивнул. Он догадывался, к чему эти разговоры. Мол покупайте серебро и золото сейчас, пока оно не подорожало ещё больше. Но он не собирался заниматься спекуляцией. Бенедетти – судовладельцы, а не биржевые игроки.

Сейчас же он ещё раз осматривал судно. Последнюю ночь почти вся команда проведёт по домам, а завтра с отливом клипер отправится на запад. Дойдет до Геркулесовых столбов, и начнет постепенный спуск до экватора, а потом подъем по широтам Южного полушария. Выйдет из Атлантического в Индийский океан, постепенно поднимаясь к северу, через узкие, кишащие пиратами проливы экзотических морей, пока не дойдет до Фучжоу. Там продать вино, принять на борт припасы и чай, и повторить в обратном порядке.

Маттео слегка поежился в блузе, потом накинул любимую морскую куртку (к черту сюртуки!) и не торопясь пошел домой.

Особого удовольствия прогулка по вечернему порту не доставляла. Здесь обитали моряки, докеры, рабочие верфи. Народ грубый, неотесанный, любящий выпить и по пьяному делу подраться. Городская стража сюда и днём-то не захаживала без крайней необходимости, а ночью и вовсе не лезла дальше Виа Коммерция, отделяющей порт от Старого города.

В примыкавших к порту жилых кварталах воняло. Такой роскоши, как канализация, в местном жилье отродясь не было. Вылить ночной горшок прямо из окна все еще было старой недоброй традицией.

Но здесь у Маттео было много знакомых, да и настоящих друзей. Моряков, молодых и старых, с которыми он вместе ходил в плавания дальние и ближние. Служащих семейной компании. Рабочих, которые чинили его суда.

Маттео выбрался из порта, прошел по краю Старого города, мимо уже закрывшихся контор и лавок. Поднялся на холм и постучал бронзовым кольцом в виде морского змея в дверь семейного особняка. Открыл Паолини, недавно нанятый слуга – почти такой же высокий как хозяин, но худощавый.

– Добрый вечер, синьор, – слуга принял у Маттео куртку. – Подавать ужин?

– Спасибо, Паолини. Матушка и сестра уже отужинали?

– Они в церкви. Епископ разрешил отцу Вито совершить вотивную мессу за путешествующих.

Маттео вздохнул. Из всей семьи он был наименее воцерковленным. Безусловно он верил в Бога Отца, Сына и Святого Духа, ходил в церковь по главным праздникам, исповедовался и причащался. Но, за исключением самых отчаянных ситуаций, полагался не на далекое божественное вмешательство, а на голову и руки – свои и команды. Сказывался и недостаток образования – Писание он учил по верхам, латынь практически не знал, основные молитвы зазубрил на слух.

Юноша поужинал запеченной ягнятиной, выпил пару бокалов вина и занялся последними сборами. Внезапно в дверь его комнаты постучал Паолини.

– Синьор, пришла синьорина Феррара. Проводить её в гостиную?

Маттео задумался. Не пустить Марианну было немыслимой грубостью. Но и особого настроения общаться с подругой не было. Он кивнул, уложил в свой сундук ещё одну книгу некоего английского капитана о плаваниях на Дальний Восток, и вышел к гостье.

Девушка сидела в своем любимом кресле, отвлеченно перелистывая при свете свечей купленный недавно для Катерины альбом гравюр какого-то модного художника. То ли в позе, то ли в игре света было нечто такое, что на долю секунды отозвалось в сердце Маттео. Но он не обратил внимания на это мимолетное ощущение.

– Добрый вечер, Марианна. У тебя есть какое-то дело или просто зашла повидаться перед отплытием? Будешь вино?

– Спасибо, но не надо. Повидаться, – кивнула она. – Утром не будет возможности попрощаться. Наверняка соберется толпа народа, а ты будешь слишком занят. У меня есть чувство, что я должна что-то тебе сказать, пока у нас есть возможность.

– Нашла себе знатного жениха и станешь аристократкой? – добродушно усмехнулся юноша.

Марианна покраснела и покачала головой:

– Исключено. Разве что отец поругается с тобой…

– Не думаю, что это возможно. Твой отец десятилетиями был самым верным другом нашей семьи. Я горжусь тем, что такой человек командует “Сесилией”. “Талию” я ему не отдал исключительно из эгоистичных соображений – слишком уж сам люблю чертовку.

Марианна тяжело вдохнула:

– В этом наша с тобой беда.

– Не понял?

– Ты в этом мире любишь только море и свой клипер. Не знаю, отвечают ли они тебе взаимностью, – Девушка помедлила. – Я же люблю только Маттео Бенедетти. И знаю, что он не отвечает мне взаимностью.

Маттео застыл. Какого черта Марианна творит? Какая ещё любовь? Зачем так осложнять будущее? Конечно, их ждала совместная жизнь, но это всего лишь сделка – укрепление положения Феррара в обмен на наследников для Бенедетти. Приятно, конечно, что они с младых лет друг друга знают. Любовь… любовь подразумевала что-то, чего юноша ещё не знал и совсем не понимал. Что-то слишком большое и опасное, способное затмить рассудок и спалить эмоции.

Она смотрела прямо ему в глаза, чего раньше избегала. Непримечательное лицо девушки горело внутренним огнем. Маттео не знал, как его потушить – или разжечь ещё сильнее, в губительную страсть.

Моряки опасаются огня. Он может погубить корабль в мгновение ока. Даже безумцы, служащие кочегарами на пароходах, тщательно следят, чтобы пламя в топках котлов не вышло из-под контроля.

Маттео молчал. Марианна продолжала:

– Я знаю, Маттео, что это глупо, что это против правил. Что это мужчина должен признаваться женщине, что в нашем кругу от любви одни проблемы. Что мы и так должны быть вместе, невзирая на чувства. Я знаю, что ты меня ценишь. Но мне этого мало. Мне надоело быть тихой”

Она встала, не в силах спокойно сидеть, такие чувства ее переполняли.

– Я могла этого не понимать, но сейчас, когда ты уходишь в опасное плавание почти на год – целый год, который я тебя не увижу – я поняла, что должна была найти в себе храбрость. Вот смотри же, Марианна тоже может быть храброй. Марианна больше не боится подняться на высоту. Пусть Солнце растопит мои крылья, мне не страшно. Я буду падать, зная, что ты знаешь о моих чувствах.

Захваченный ее порывом, Маттео тоже встал.

– Маттео Бенедетти, там, в далеком океане и неведомых землях, помни. Дома тебя ждет та, кто тебя любит.

Марианна не дала сказать ничего в ответ и сбежала. Особняк Бенедетти она знала не хуже скромного дома своей семьи. Маттео грязно выругался – крепко, по-флотски, чего прежде никогда не позволял себе в родных стенах – и вернулся в свою комнату собирать сундук.

Спал он плохо. В голове крутились слова Марианны. Проснулся ещё до рассвета. Матушка, Катерина и слуги уже были на ногах.

Последний домашний завтрак перед отплытием, который юноша обычно поглощал с удовольствием, показался ему безвкусным. В порт они отправились целой процессией. Паолини вез на тележке сундук, зевая словно козодой.

На пристани собралось столько народу, будто раньше срока наступила Пасха. С каждым из членов команды “Талии” пришло прощаться несколько десятков человек. Явились даже официальные лица – президент Арматорского союза синьор Тезауро и директор Мореходного и Торгового банка синьор Конте. Последовали речи.

Острое зрение Маттео, высокий рост и то, что он стоял на зачем-то построенном на пристани помосте, позволяло ему выцепить из толпы многие знакомые лица. Увидел он и всю семью Феррара, от мала до велика. На секунду, кажется, его взгляд пересекся с Марианной. Нет, не кажется – девушка покраснела.

Но времени на проводы оставалось всё меньше.

“Отдать швартовы!”

Освобожденная от приковавших её к пристани швартовных концов “Талия” начала набирать ход под легким утренним ветром и отливом. Маттео не нужен был лоцман – широкую бухту, в глубине которой стояла Ривальта, он знал лучше собственного заднего двора.

Клипер, несмотря на полные трюмы, шел хорошо, без неприятной продольной качки, свидетельствующей о неправильной дифферентовке. Впрочем, для того, чтобы убедиться в том, что все в порядке, нужен легкий шторм. Он расставит точки над i.

Силуэты домов справа за кормой становились всё менее четкими. По левой скуле показался “Ардито”, вышедший на парусную практику с новобранцами весеннего набора. “Талия” отсалютовала приспущенным на треть флагом. Шлюп внезапно ответил тем же, хотя и не был обязан.

– Хорошая примета, – кивнул в сторону военного корабля Марчетти. – С самого начала плавания к нам относятся хорошо те, кому до этого нет никакого дела.

– Пожалуй так, – согласился Маттео. – Но давайте будем осторожными и не будем гневить Фортуну гордыней и самоуверенностью. Все хорошие приметы вспомним, когда встанем под разгрузку в Лондоне.

Марчетти кивнул. Им предстояло идти до Гибралтара под встречно-боковыми ветрами – не лучший вариант для судна с прямым парусным вооружением. Но это были давние знакомые.

На борту все знали, как справляться с их прихотями, и не боялись капризов Средиземного моря.

Глава 4

Свежий ветер гнал “Талию” по Атлантике. Лаг показывал четырнадцать узлов – скорость, немыслимая для тесного Средиземноморья. Два матроса с трудом удерживали катушку во время замера скорости, с удивлением считая узлы на стремительно разматывающемся за кормой лаглине.

Счисление и замеры долготы и широты показали, что за последние сутки клипер, подгоняемый пассатом, прошел около 260 миль. Для моряков, в основном ходивших по Средиземному морю с нечастыми вылазками в Бискайский залив и дальше на север это было удивительным результатом.

Маттео стоял на юте и не мог сдержать глупой улыбки, глядя на идеально установленные для такого ветра паруса. Его переполнял восторг – должно быть нечто подобное испытывают птицы в полете.

Это океанское плавание не было первым для “Талии”, ее шкипера или команды. Покойный Беттино Бенедетти несколько раз водил судно через Атлантику – за каучуком в Рио-де-Жанейро, за табаком в американский Портсмут, за сахаром в Кингстон. Но такие фрахты перепадали нечасто. А заниматься собственно торговлей отец не любил.

– Использовать “Талию” как каботажное судно – преступление, – уловил настроение шкипера Марчетти. Старше Маттео, более опытный и менее восторженный, он все равно был захвачен моментом. – Ей место в открытом океане. На Средиземном море она как птица в клетке.

– Так оно и есть. Отец мне как-то признался, что купил её по наитию, не до конца понимая, что будет с ней делать. Нам придется заглаживать эту ошибку, – все еще улыбаясь, отозвался шкипер.

Плавание проходило спокойно. “Талия” с честью пережила первый атлантический шторм, хотя один из матросов натерпелся страху, когда сорвался с крюйс-брам-стеньги и чудом смог залезть обратно. Но в остальном довлела рутина.

Управлять “Талией” было проще, чем парусниками предыдущей эпохи. Разрезной марсель, лебедки для натяжения такелажа, железные тросы вместо пеньковых канатов и некоторые другие усовершенствования последних лет позволяли обходиться небольшой командой. Но от шкипера всё ещё требовалось до мелочей знать особенности поведения судна в разных условиях – и на полном ходу, когда паруса передавали огромное давление на рангоут, и на малом, когда длинное судно едва реагировало на поворот руля.

Большим достоинством “Талии” были комфортные условия обитания и для офицеров, и для матросов. Она не могла похвастаться роскошью американских клиперов, нередко возивших в Европу богатых пассажиров. Но и не страдала от архаичной простоты судов, строившихся для экономящих каждый пенни крупных судовладельцев. Матросские кубрики были чистыми и хорошо проветриваемыми, в кают-компании стояла удобная мебель красного дерева, а у каждого офицера была собственная одноместная каюта.

Времена, когда в океанском плавании приходилось питаться только солониной да червивыми галетами, остались в прошлом. Конечно, жучки в галетах и рисе заводились исправно, спасения от них не было. Но увесистые жестяные банки консервов делали меню моряков гораздо более разнообразным и вкусным чем оно было еще лет двадцать назад. Консервированные томаты с туринской фабрики синьора Чирио, американская тушеная говядина, французская ветчина – всё это было частью повседневного рациона. Сытый моряк – бодрый моряк, бодрый моряк – надежное судно. Бенедетти денег на питание в плаваниях не жалели.

Эти рассуждения сами собой приходили в голову во время обеда в кают-компании. В отличие от военных кораблей, где капитан был недосягаемой фигурой, на многих торговых судах он постоянно столовался в кают-компании. “Талия” не была исключением. Завтракал

Маттео обычно у себя в каюте, ограничиваясь кофе и галетами с сыром. А вот обедал или ужинал в кают-компании – если это не была его вахта, конечно.

Марчетти он знал уже много лет. Второй помощник, Оттон Грацини, был величиной во многом неизвестной. Неразговорчивый сухопарый мужчина средних лет, чей отсутствующий правый глаз закрывала черная повязка, он в молодости служил на голландском судне, ходившем в Батавию. Маттео переманил его обещанием хорошей премии с ливерпульского пакетбота. Он был дельным моряком, но под началом юного шкипера чувствовал себя неуютно.

Четвертым членом кают-компании был доктор Дзамбони, судовой врач “Талии”. Выдающимися познаниями в медицине он похвастаться не мог, зато для выпускника Пармского университета обладал на редкость крепкими “морскими ногами” и порой проводил операции даже в шторм.

Разговоры в кают-компании велись разнообразные. Но все как один избегали самой острой темы – чайной гонки, в которой они участвовали. Моряки – народ суеверный, и все четверо инстинктивно боялись оскорбить Фортуну.

Зато перспектива женитьбы шкипера предоставляла немало поводов для остроумия и дружеских подколок. Первый помощник и доктор были знакомы и с Марианной, и с её отцом, и, как половина Ривальты, были уверены в неизбежной свадьбе. Марчетти был женат счастливо, Дзамбони же досталась на редкость сварливая, капризная и глупая супруга. Поэтому они время от времени атаковали Маттео с двух противоположных точек зрения на брак. Грацини в этих пикировках не участвовал.

Маттео отшучивался. Но сказанные в ночь перед отплытием слова девушки все равно приходили на ум. Хотя с каждым днем и каждым пройденным градусом широты все реже и реже.

Первым настоящим испытанием стали “конские широты”. Выйдя из зоны пассатов, “Талия” лениво дрейфовала на юг по воле океанских течений, пытаясь подхватить своими огромными парусами хотя бы легкое дуновение ветерка. День, когда удавалось пройти хотя бы 30 миль, считался за праздник.

Впрочем, от недостатка пресной воды команда не страдала, так что мораль не падала. К тому же она целиком состояла из итальянцев, преимущественно уроженцев центральной части и юга Апеннинского полуострова. В отличие от англичан и других моряков из северных стран, они были с колыбели привычны к тропической жаре.

Настроение подняло пересечение экватора. Примерно треть команды ещё не служила на “Талии”, когда она ходила в Рио-де-Жанейро, поэтому им предстояло отдать дань уважения Нептуну. Боцман Милли так сильно вошёл в роль, что потом ещё несколько дней не расставался с трезубцем, подгоняя им матросов.

Когда паруса клипера наконец-то подхватили устойчивый ветер, команда оживилась. “Талия” снова начала проходить 250-280 миль в сутки. Маттео не мог дождаться “ревущих сороковых”, где обходящие весь земной шар ветра Южного океана могли разогнать клипер до максимальной скорости. И действительно, одним ветреным днём лаг показал немыслимые ранее 16 узлов.

К несчастью, плавание без захода в порты оставалось невозможным. Еды хватило бы до Китая, но вот запасы воды были весьма ограниченными. “Талия” взяла курс на Кейптаун. Повезло – удалось избежать печально известных волн-убийц, потопивших немало кораблей на стыке двух океанов

Столица Капской колонии встретила клипер приятной осенней погодой. “Талия” встала на якорь в Старой гавани в компании нескольких французских и голландских торговых судов и голландского же винтового шлюпа “Рейнир Класцен”, шедшего из Ост-Индии на ремонт в Роттердам. Один из его лейтенантов, с которым Маттео познакомился в городе, поведал несколько леденящих кровь историй о малайских пиратах, на которых они охотились в море Сулу.

“Впрочем, они в подметки не годятся легендарному Сандокану. Есть такой малайский царёк, в молодости попортивший немало крови и англичанам, и нам. Безжалостный и кровожадный, как и все малайцы, но вдобавок ещё и дьявольски хитрый. К тому же стоит ему хоть раз увидеть в деле современное оружие, как он тут же, не жалея денег, пытается его заполучить. Сейчас он оттяпал себе небольшое княжество, и, ходят слухи, что купил в Америке броненосец. Как хорошо, что разбивать головы о его логово в случае чего придется лимонникам”, – заключил голландец.

Маттео задумался. “Талия” из тяжелого вооружения несла только бронзовую сигнальную трехфунтовую пушку. В оружейной кладовой лежали три десятка винтовок и абордажных сабель. Хватит ли этого, если вдруг придется столкнуться с пиратами?

Лейтенант с “Класцена” успокоил. Артиллерии у большинства из них нет, только древние вертлюжные пушки. Пары винтовочных залпов с борта обычно хватает для того, чтобы банда образумилась и не лезла на рожон. Главное – не дать застать себя врасплох, связываться с предупреждёнными и вооруженными командами они обычно не рискуют.

Пополнение припасов шло не так быстро, как хотелось бы шкиперу “Талии”, но с разумной скоростью. Маттео ещё в Гибралтаре предусмотрительно запасся золотыми соверенами, и они убеждали поставщиков и портовых чиновников гораздо лучше векселей или серебряных лир, которые в местном банке даже не стали бы принимать к обмену.

Порт Кейптауна был оживленным местом. Никто из команды не удивился, когда в него зашёл ещё один клипер. В отличие от скромной зеленой с белыми мачтами “Талии” он был целиком выкрашен в черный цвет с золотой полосой вдоль палубы и нес позолоченную носовую фигуру орла. У “Талии” грация, давшая имя судну, была весьма убедительно раскрашена в натуральные цвета. Естественно, она была жгучей брюнеткой.

– Американец, – сразу же определил несший вахту Грацини. – Скорее всего с деревянным набором, они не любят композитные корпуса. Новый.

– Выглядит как хороший ходок, – согласился Маттео, рассматривая возможного конкурента в подзорную трубу. К его удивлению, судно не несло “звезды и полосы”. Вместо этого оно шло под бело-зеленым флагом Республики Торребьянко – соседа и вечного соперника Сольдано.

Грацини тоже заметил этот удивительный факт:

– Интересно, кто из Пяти семей решил вложиться в трансокеанскую торговлю?

– Пока он не встанет на якорь, не узнаем. Но ясно одно: нам надо поторапливаться. Проиграть чайную гонку англичанам – не зазорно. Но оказаться хуже торребьянкийцев – вот это будет позор, – проворчал Маттео, складывая подзорную трубу.

Очень быстро выяснилось, что черный клипер называется “Аквила”. Его построили в Нью-Йорке по заказу “Средиземноморской транспортно-торговой компании”. Команда была американской, хотя по большей части состояла из итальянских эмигрантов.

Шкипером “Аквилы” неожиданно оказался молодой человек примерно одних с Маттео лет. Крепкий и жилистый, с внешностью римского патриция, но в модном сюртуке тонкого английского сукна, он смотрел на мир карими глазами пристально, оценивающе и несколько отстраненно. Маттео сразу же понял, что соперничество с ним будет непростым.

– Адриано Меризи, – представился он, когда их пути пересеклись в гавани. – Полагаю, я имею дело с кем-то из Бенедетти?

– Маттео Бенедетти, судовладелец и шкипер “Талии”, к вашим услугам.

Два шкипера пожали друг другу руки с вежливыми улыбками. Они не устраивали глупых соревнований по тому, чья хватка окажется сильнее – в этом не было смысла.

– Синьор Бенедетти отдал кому-то свое любимое судно?

– Отец скончался в конце января. Теперь я – единственный владелец компании и её флота.

– Примите соболезнования, – тон Меризи заметно смягчился. – Терять родителей всегда тяжело. Синьор Бенедетти был… интересным конкурентом.

– Настолько интересным, что Меризи тоже приобрели бесполезный на Средиземном море клипер? – съязвил Маттео.

– Рынок раздробленной Италии недостаточно емкий для наших возможностей, – снисходительно ответил Меризи. – Пока строительство канала через Суэцкий перешеек остается только проектом, мы должны по максимуму использовать дефицит тоннажа на дальневосточных перевозках. В случае победы в гонке “Аквила” может окупиться уже за первый рейс. Если мы просто покажем хороший результат, уже через три года она будет приносить чистую прибыль.

– Вы так уверены в том, что ваш клипер в первом же плавании покажет себя, что поставили на кон свою репутацию члена семьи Меризи? Или у вас просто нет шкиперов, не боящихся открытого моря? – Маттео не удержался от конфронтации.

– Меризи ведут свой род от Авла Мерензия, судовладельца из Остии, жившего во втором веке от Рождества Христова. Нет такого маршрута, на котором судно под управлением Меризи не опередило бы всех конкурентов, – горделиво произнес шкипер “Аквилы”.

Маттео пожал плечами. Название “Остия” ему ничего не говорило – в лоциях такой порт не значился.

– Мы это увидим в Фучжоу, а потом в Лондоне. “Аквила” выглядит быстрым судном, но “Талия” лучше. К тому же мы не видели английских участников гонки. – Юноша призадумался и уточнил. – Кстати, синьор Меризи, вы не слышали, не планируют ли американские судовладельцы присоединиться в этом году?

– Ситуация нестабильная. Элиты в южных штатах недовольны политикой Вашингтона, и Лондон с Парижем подстрекают их к мятежу. В Новой Англии сильны антибританские настроения, поэтому не думаю, что будет много желающих работать ради контракта с лондонским торговым домом.

– Благодарю за информацию.

– И еще, по широте душевной, поделюсь кое-какими сведениями. В этом году гонка клиперов воистину необычная, потому что в ней участвуют целых три итальянских судна. Как я слышал, специально для участия в ней куплен клипер шотландской постройки. Кто это сделал, мне неизвестно. Может какой-то сардинский или неаполитанский арматор решил пощекотать себе нервы.

Маттео вежливо поблагодарил конкурента и раскланялся с ним. Вернувшись на “Талию”, он приказал ускорить подготовку к отплытию. Гонка принимала всё более и более реальные очертания.

Глава 5

“Талия” покинула порт на следующий день после того, как “Аквила” зашла в Кейптаун. Буйные воды за Игольным мысом заставили команду потрудиться, но в целом, если не считать пары порванных тросов и содранной кожи на руках у одного из матросов, серьезных хлопот стихия не принесла.

Клипер держал хорошую среднюю скорость, но за рекордами Маттео пока не гнался. Он решил, что лучше поберечь команду и судно – им предстояло выложиться по полной на обратном пути. При этом он продолжал изучать возможности “Талии” в океанском плавании. Особенно важным было подобрать правильную комбинацию летучих парусов.

Если ундер- и марса-лисели были привычными еще по атлантическим плаваниям, то брам- и бом-брам-лисели оставались не до конца понятным инструментом. Маттео вначале ставил их по советам отца, но в итоге решил отказаться от большинства фор-лиселей – прибавки в скорости при сильном ветре они не давали, только фок-реи перегружали. Раз или два устанавливали мунсели, больше для практики. Немного поэкспериментировали и с другими редкими в обычном плавании парусами.

Плавание в “ревущих сороковых” оказалось крайне неприятным для теплолюбивой команды клипера. Кутаясь в толстые колючие свитера и брезентовые штормовки, подсмотренные у англичан, моряки все равно отчаянно мерзли. Маттео пытался подавать пример стойкости, но выходило плохо. Он простыл и свалился с жаром, а потом еще и охрип так, что неделю его команды приходилось повторять специально приставленному матросу.

Но более важной проблемой оказалась управляемость “Талии” на больших скоростях. Когда клипер шел на 15 и более узлах, поворот штурвала на пару спиц требовал усилия четырех человек. Матросы изо всех сил налегали на рулевое колесо и в ужасе ждали, когда порвутся штурторсы, освободившееся перо руля непредсказуемо дернется, а вслед за ним судно потеряет курс. При волнении, сопровождавшем могучие ветра Южного океана, подобная ситуация могла закончиться опрокидыванием клипера и гибелью всех на борту.

Изменить ситуацию могла разве что переделка рулевого управления в доке. Маттео не раз покрывался холодным потом, когда на 15-16 узлах “Талия” грозилась подставить под волну борт.

Метод, при котором паруса помогали клиперу поворачивать так, как это нужно было шкиперу, удалось разработать при посильной помощи всей разбиравшейся в морском деле части команды. За пару недель удалось отработать его достаточно хорошо, чтобы в сложной ситуации не пришлось ничего объяснять.

Хотя Маттео и не торопился сверх меры, но построенная именно для этих условий “Талия” сама рвалась вперёд. Один раз лаг, едва не утянув за собой за борт матроса, показал 16 и три четверти узла. Искомый матрос, Фалаччи, непосредственный и жизнерадостный паренек из рыбацкой деревни к югу от Ривальты, огласил палубу таким воплем восторга, что даже дремавший на своем посту на орлоп-деке доктор прибежал на ют посмотреть, что случилось.

Но и этот результат удалось превзойти. На сколько, сказать было трудно – порвался лаглинь. По словам Грацини, это произошло где-то на 17 с половиной узлах.

Судовой журнал пестрел записями о днях, когда счисление показывало 300 и более миль суточного хода. Это да отметки о скорости были его основным содержанием. В отличие от некоторых других шкиперов, Маттео никогда не превращал судовой журнал в дневник наблюдений за морем или судном, внося туда только минимально необходимые факты.

Несколько раз они встречали другие суда. Но ни одно из них не было чайным клипером.

Раз они обогнали старомодный крупный, где-то в полторы тысячи тонн, бриг под британским торговым флагом, тяжело загруженный. Наверное вез в Австралию паровые насосы для рудников или железнодорожные рельсы.

Попался клипер, при виде характерного силуэта которого все на борту “Талии” напряглись в ожидании встречи с еще одним соперником. Быстроходные суда сблизились настолько, что можно было разговаривать с борта. На морской манер, конечно, напрягая голосовые связки в крике до хрипа. “Грейшес”, однако, шел не в Китай, а в Австралию, за тонкой шерстью мериносов, а туда вез ткани и галантерею для колониальных модников и модниц. Англичане удивились, увидев чайный клипер под флагом итальянского государства, но, прежде чем два судна разошлись, все же пожелали им удачи.

Один раз на горизонте показался силуэт парового фрегата. Вероятно британского, направлявшегося в Индию.

Повстречали они и два испанских парусника, шедших, наверное, на Филиппины –

сближаться с ними не стали. Разошлись параллельными курсами.

Уже гораздо позже, на подходе к Зондскому проливу, “Талия” догнала еще один быстроходный парусник, по силуэту – британской постройки. Однако по мере сближения стало ясно, что это парусно-винтовой корабль под русским военно-морским флагом.

Он назывался “Гайдамак”, и шел с Балтики в далекий Петропавловск на Камчатке. Командовал им молодой офицер с непроизносимой для итальянцев фамилией Печтуро. Маттео показалось, что он так и не смог ее выговорить правильно.

Русский моряк разговаривал на отличном французском и английском, и Маттео было неудобно за свое корявое произношение и относительно скромный словарный запас. Несмотря на то, что он не разменял еще даже третий десяток, капитан-лейтенант уже бывал на Востоке. Более того, он даже смог попасть в закрытую для внешнего мира Японию!

Эти факты Маттео узнал, когда его вместе с Марчетти пригласили отобедать в тесной кают-компании русского корабля. Приглашение они приняли. Слегка напуганный историями о пиратах, шкипер “Талии” рассчитывал хотя бы некоторое время идти под неожиданно подвернувшейся защитой.

Итальянцев немало удивил тот факт, что “Гайдамак” тоже считался клипером. С точки зрения Маттео это был парусно-паровой корвет.

Его основное вооружение состояло из трех чугунных 60-фунтовых бомбических пушек. Как не преминул объяснить старший офицер русского корабля, одного попадания достаточно для того, чтобы пытающийся уйти от клипера вражеский “купец” спустил флаг. А в умелых руках они доставали больше чем на 16 кабельтовых.

Маттео внутренне содрогнулся. Сольдано не участвовало в вооруженных конфликтах со времен Наполеоновских войн, да и в них ничем не отличилось. У королевства был небольшой флот и какая-то армия, но их дела простых подданных не касались.Кто-то может выстрелить в “Талию”, эти безупречные линии может повредить ядро или бомба, палубу может залить кровью из ран? Такие мысли были хуже любого самого черного кошмара.

Русских моряков удивило то, что итальянцы не знают предельную скорость своего судна. Впрочем, и 17 с половиной узлов их впечатлили – “Гайдамак” в самых благоприятных условиях развивал не более 13.

– С таким длинным корпусом насколько хорошо вы маневрируете? – поинтересовался один из младших офицеров.

– Не очень, – вздохнул Маттео. – На малом ходу “Талия” едва слушается руля. Я слышал, это общая беда всех британских клиперов. Но и на скоростях свыше 15 узлов штурвал не провернуть. Дама она у нас капризная, и сама выбирает, каким курсом ей следовать.

– Вот поэтому Питчер и не строил наш корабль ради максимальной скорости. В бою, шкипер, управляемость важнее скорости. Тем более что паровая машина позволяет нам маневрировать независимо от направления ветра.

– Я иногда жалею, что на “Талии” нет хотя бы маломощной машины. Мне не понять любовь некоторых моряков к пароходам, но было бы очень удобно заходить в гавани с узким фарватером не на буксире, а под собственным ходом.

– Паровые машины – это временное решение. Будущее за электричеством! – провозгласил один из мичманов. Однако ему вежливо посоветовали меньше читать месье Верна и больше внимания уделять изучению современного состояния флотов.

После этого разговор перешел в основном на истории о дальних плаваниях. Было чем поделиться. Командир “Гайдамака” и его офицеры уже бывали в водах русского Дальнего Востока, равно как и в китайских с японскими. Но ни разу не заходили в Средиземное море, да и в Северной Америке им бывать не доводилось.

У итальянских моряков сложилось весьма благоприятное впечатление о русских офицерах. Как показалось Маттео, они тоже не опростоволосились.

Два клипера – военный и торговый – некоторое время шли вместе. Их курс нередко пересекали длинные, узкие, очень быстрые лодки с балансирами – знаменитые проа. На некоторых из них виднелось вооружение – одна-две тонких длинных пушки. Но враждебных намерений в отношении двух огромных по сравнению с ними кораблей они не показывали.

Однако вскоре они расстались. “Гайдамак”, хотя и весьма ходкий, не поспевал за чайным клипером. “Талия” продолжила путь в Фучжоу одна.

Плавание до Восточно-Китайского моря прошло без происшествий. В конце мая клипер встал на якоре в устье реки Миньцзян. К счастью, в порту Фучжоу была лоцманская служба, организованная англичанами. Но к несчастью, в эстуарии выстроилась очередь из нескольких европейских судов.

Собственно порт находился в паре десятков миль выше по течению реки, в городе. Смешное расстояние для судна, способного проходить более 300 миль в сутки… но не в речных узостях против течения.

Чайные клиперы пять-шесть часов шли до порта на буксире. И вот этих самых буксирных пароходов было явно недостаточно.

К борту “Талии” вскоре причалил таможенный катер. С него на палубу поднялись местный чиновник – невысокий, полноватый, самоуверенный, и представитель “Уинтроп и сыновья”.

Китаец, говоривший по-английски со странным акцентом, представился как Ван Юнфу. Англичанина звали Хейес. Был он загорелый, сухопарый, с привлекавшей внимание крупной бородавкой на правой скуле.

Осмотр трюмов клипера был чисто формальным. Зато два чиновника, китайский и британский, с энтузиазмом, заслуживающим лучшего применения, впились в бумаги.

Их сердца несколько смягчились, когда стюард принес декантер первоклассного вина. Китаец пил его более из вежливости, а вот англичанину оно точно пришлось по вкусу. Маттео напомнил, что у него в трюме ждет солидный груз божественного напитка. И содействие в его разгрузке и продаже будет вознаграждено.

Синьор Хейес и синьор Ван синхронно одобрительно кивнули, и процесс пошел гораздо быстрее. Однако кое-в-чем они не могли посодействовать, даже если бы шкипер засыпал их золотом. Провести “Талию” в порт до начала отлива.

Два из четырех работавших в низовьях Миньцзян буксирных пароходов умудрились третьего дня столкнуться между собой. Оба получили повреждения, один остался без правого гребного колеса. Чинили их с максимально возможной скоростью, но пока что на реке работали только два парохода – маневренный колесный и более мощный винтовой.

Никакого порядка в их найме не было. Побеждал тот шкипер, который оказывался наиболее убедительным. Методы убеждения, по словам Хейеса, обычно сводились к сумме на банковском чеке или количестве золотых соверенов. Но были и другие варианты.

Наконец-то таможенные чиновники убрались прочь с “Талии”, чей трюм стал легче на восемь ящиков “Россезе”. Маттео же присоединился к большей части своей команды, с интересом разглядывавшей то китайский берег, то потенциальных конкурентов.

Одним из них был “Сюрприз” – крупный американский клипер. Обычно подобные суда долго не жили, но судно бостонской постройки разменяло уже второй десяток, и продолжало регулярно ходить вокруг мыса Горн и через Тихий океан. От отца Маттео слышал много хорошего об его шкипере мистере Рэнлетте.

– Если “Сюрприз” тоже пойдет на запад, гонка будет сложной, – поделился юноша со своим старпомом. – Клипер может быть и не самый быстрый, но у него чертовски опытный шкипер, который не раз ходил этим маршрутом.

Марчетти кивнул:

– А вон тот красавец – это должно быть “Лорд оф зэ Айлз”. Когда его строили, железные корпуса были ещё в новинку. Говорят, что его гонка против “Янки Клиппера” была исключительно захватывающей, тем более маршрут необычный – из Фучжоу в Бостон.

– Англичанин или американец? – уточнил Маттео.

– К несчастью, англичанин. Если “Сюрприз” может и не наш соперник, то этот точно участвует в гонке. – Марчетти сделал паузу на то, чтобы раскурить трубку. – Но больше всего меня волнует вон та темная лошадка, у которой на носу помесь коня с треской. Шкипер, как называется такое чудовище?

Маттео замялся.

– Если действительно интересно, надо спросить у доктора. Он все-таки университет закончил. Может быть, и знает. Но клипер выглядит новым. Стоит неудачно – флаг не разобрать. Американец, англичанин?

– Будем считать, что соперник.

Пока они разговаривали, к борту “Талии” подошел ялик. С него клипер окликнули на итальянском. Маттео и Марчетти прислушивались в недоумении – неужели “Аквила” так сильно их обогнала?

– Кто в шлюпке? – спросил вахтенный матрос.

– “Гиппокамп”, – отозвался рулевой. Судя по всему, так называлось судно, а на ялике был его шкипер. – Разрешите взойти на борт?

“Точно, морской конь называется гиппокамп. Не помню только, на латыни или древнегреческом”, – пробормотал себе под нос Маттео.

“На греческом, шкипер. Морской конь Посейдона, греческого прообраза римского Нептуна”, – объяснил поднявшийся на палубу судовой врач.

В отличие от военных кораблей, на которых имелись особые церемонии для встречи гостей разного ранга, на коммерческих судах такие вещи оставались на усмотрение шкипера. Маттео не видел причины быть невежливым, к тому же ему хотелось удовлетворить любопытство – что за загадочный третий участник соревнования пожаловал из родных краев?

Шкипер “Гиппокампа” наконец-то поднялся на палубу “Талии”, и все на ней замерли, будто театральные актеры в немой сцене. Потому что под полями дорогой флорентийской соломенной шляпы скрывалось лицо очаровательной девушки.

– Амабиле Мариньолли, шкипер и владелица “Гиппокампа”, к вашим услугам, – представилась она. Незванная гостья даже не скрывала, как ее забавляют попытки соперников по чайной гонке вспомнить хотя бы одно-два слова итальянского языка.

Глва 6

Маттео так и не понял, каким образом офицеры “Талии” оказались гостями в собственной кают-компании. Синьорина Мариньолли расположилась там, будто у себя дома, и, щедро раздаривая, улыбки, вела светскую беседу.

Говорить она умела, вынужден был признать юноша. Чувствовалось хорошее образование. И немалый опыт маневрирования в опасных водах высшего общества. Девушка бессовестно выуживала информацию о судне соперников, а сама в ответ выдавала гораздо меньше.

– Необычно видеть представительницу прекрасного пола в роли шкипера, – признался Грацини. – Не думаю, что мне вообще доводилось встречать такое.

– А я вот знаком. Синьора Риччи, когда её муж умер, несколько лет управляла оставшимся ей в наследство полакром. Возила оливковое масло в Геную. Потом сын подрос, и она передала судно ему, – поделился Маттео.

– К счастью, “Гиппокамп” мой собственный. Современная девушка должна иметь средства к самостоятельному существованию, иначе ей остается две дороги – замуж или в монастырь.

– В итальянских государствах не так часто встречаются столь крупные океанские суда. Вы из семьи арматоров, синьорина?

– Нет, мой отец – сухопутная крыса, землевладелец, на палубу старается без нужды не ступать, – легко усмехнулась синьорина Мариньолли. – А я с детства росла на воде, и жизнь без моря не мыслю. После того, как я помогла отцу разрешить одну деликатную ситуацию, о которой я не имею права распространяться даже в столь приятной компании, он предложил мне самой выбрать, чем вознаградить себя. Сверстницы наверняка захотели бы модных украшений, или же собственный дом в Париже, или еще какую-нибудь подобную ерунду. А я попросила нечто, что может окупиться. В результате получила “Гиппокамп”.

– Чайный клипер – рискованное вложение, – вздохнул Маттео. – За один-два рейса окупаются только лучшие из них, с первоклассными английскими или американскими командами. На Средиземном море им тесно, для рейсов через Атлантику у них слишком маленькие трюмы. Единственное их достоинство – они все еще достаточно быстрые без этой проклятой паровой машины.

– Я смотрю, синьор Бенедетти, что вы, несмотря на юный возраст, придерживаетесь исключительно консервативных взглядов на морское дело, – поддела шкипера девушка. В ее карих глазах, как вдруг заметил Маттео, плясал огонь, а по поднявшимся в улыбке уголкам губ так и хотелось провести пальцем…

Он слегка покраснел от собственных мыслей. Монахом он не рос, и мужчиной стал уже пару лет назад, во французском Бресте, куда они доставляли из Бразилии груз каучука. Но раньше ему не доводилось становиться мишенью тонкого флирта.

Девушка заметила его заминку и явно собиралась продолжать

– Я родился на борту отцовского судна. Матушка шутит, что я вначале сказал “лево руля” и “право руля”, а потом уже “мама” и “папа”. Никакого угля, никакого дыма и сажи – разве только с камбуза. Можно что угодно говорить про то, насколько выгоднее пароходы с их стабильной средней скоростью, но парусники – правильнее. И не думаю, что когда-нибудь появятся парусники совершеннее чайных клиперов, – выложил Маттео.

Синьорина Мариньолли продемонстрировала ещё одну улыбку – одобрительную. Юноша мельком огляделся на коллег – да, безусловно, не ему одному такая улыбка показалась очаровательной. Девушка непроизвольно потянулась поправить прядь волнистых почти черных волос на виске, но их там не было – они были собраны в практичный узел на затылке.

– Приятно осознавать, что у нас с вами много общего, синьор Бенедетти. Конечно, мы в Понциано ладим со всеми, но одно дело – натянуто улыбаться, когда нет поводов для улыбки. Совсем другое – находить удовольствие в общности вкусов и устремлений.

Разговор прервал звон склянок.

– Простите, я вынуждена лишить себя общества такой замечательной компании. Скоро должен вернуться буксир, с владельцем которого у меня есть договоренность. Надеюсь, мы сможем поговорить в городе, пока наши суда будут загружаться чаем и припасами.

Маттео с трудом стряхнул оцепенение от девичьего взгляда и вспомнил наконец-то о собственной проблеме. В очереди на буксировку он сейчас был четвертым… но никто слова бы не сказал, если бы ему удалось влезть раньше. Он даже с некоторым облегчением выпроводил гостью и велел спустить собственный капитанский катер.

Совсем скоро к обычному шуму устья реки добавилось громкое тарахтенье и шлепки плиц гребных колес по воде. Неопрятный старенький буксир под названием “Вилли” встал на якоре, и к его низкому борту устремились шлюпки.

Переговоры вел владелец буксира – джентльмен из тех, кого в Королевском флоте зовут “куликами”: и не морской, и не сухопутный, а так, прибрежный. На самом деле, по наблюдениям Маттео, джентльменом он вряд ли был – разбогатевший и занявшийся собственным прибыльным бизнесом боцман или пароходный старший механик.

Так или иначе, но мистер Финч намеревался выжать максимум из ситуации и устроил аукцион. Стартовая цена в 10 фунтов стерлингов в итоге выросла до 27, которые выложил старпом “Лорда”.

Вскоре показался и второй буксир – винтовой “Джолли Лэсс”. Сцена повторилась, но на этот раз шкипер, мистер Макмастер, ещё и говорил с сильным акцентом, который Маттео с трудом понимал.

Синьорина Мариньолли во вторых торгах не участвовала, прислав одного из своих офицеров. Наверное поэтому Маттео удалось относительно безболезненно победить, предложив всего лишь 19 фунтов.

Не теряя времени зря, начали заводить буксирные концы. Команда мистера Макмастера свое дело знала, поэтому процесс шел споро, хотя и не без ругани на нескольких языках (команда парохода была смешанной англо-китайской). Наконец, все было сделано, и два судна начали медленное движение вверх по реке.

Как раз в этот момент на якорной стоянке в устье бросил якорь ещё один клипер – уже знакомая “Аквила”. На борту “Талии” послышались смешки и едкие нецензурные замечания в адрес конкурента. Из-за дефицита буксиров в гонке он теперь отставал минимум на полдня.

Плавание вверх по реке оказалось очень напряженным. Глубины фарватера едва хватало для прохода клипера, а держать точный курс вслед за крохотным маневренным буксиром было тяжело. Маттео отдал должное мастерству шкипера, но и сам был вынужден не отрывать глаз от руля и парусов, внимательно слушая каждую команду английского лоцмана. Пять с небольшим часов вымотали его гораздо больше, чем почти четыре месяца океанского плавания.

Но валиться с ног было рано. Нужно было еще договориться с агентом Уинтропов о выгрузке вина, погрузке чая, воды и припасов. При этом очень сложно было оторвать глаза от первого по-настоящему необычного города, в котором они побывали.

Фучжоу, безусловно, имел некоторые европейские элементы, и на его улицах попадались европейские лица. Но в остальном это была загадочная и таинственная Азия, с причудливыми домами, невысокими людьми в диковинных одеждах с непонятной речью, незнакомыми запахами еды с уличных лавок и из трактиров.

“Талия” была третьей в очереди на погрузку после уже знакомого “Лорда” и еще одного английского клипера, “Энчантресс”. Но работы шли медленно.

Торговый агент отправил вести дела с “Талией” одного из своих клерков – невзрачного словоохотливого человечка средних лет. Когда Маттео пробился через многословие мистера Лезэрби, то выяснил: чай запаздывает. Имевшегося в городе запаса не хватило даже для трюмов “Энчантресс”, и её шкипер второй день ждал следующей партии барж с товаром.

Китайцы почти ничего не теряли от того, что продадут чай чуть позже. В лучшем случае удавалось выторговать небольшую скидку, хотя чаще дело ограничивалось притворно-вежливыми поклонами. Спешили здесь только шкиперы.

Маттео поблагодарил мистера Лезэрби и даже авансом за усилия подарил ему бутылку хорошего вина, намекнув, что готов вознаградить за результаты более внушительно и щедро. Клерк обрадовался. Европейское вино здесь большая редкость, местные пьют противную рисовую брагу, поэтому джентльменам приходится ограничиваться виски и бренди. Но иногда все же хочется разнообразия, верно?

На “Талию” вскоре начали грузить припасы, за которые удалось расплатиться векселем “Мореходного и торгового банка”. Цены были заоблачные. Банка привезенных из Европы консервов стоила будто приличный обед. Европейской солонины не было, вместо этого местный поставщик, пришедший на встречу в синем халате, шелковом жилете и конической соломенной шляпе, предложил вяленую свинину жоугань. Маттео пожевал принесенный на пробу образец – понравилось, несмотря на непривычный сладковатый вкус. Вскоре пластинки вяленого мяса грызла вся команда.

На следующее утро в порту Фучжоу обнаружились оба итальянских клипера. Последним вверх по реке поднялся “Сюрприз”. Ему не нужно было соперничать с остальными, важнее было взять качественный товар.

Барж с чаем всё ещё не было. “Уинтроп и сыновья” начинали терять коллективное лицо. Сэр Уильям Синклер прислал шкиперам письма с извинениями и приглашением на обед в его резиденции.

Маттео не видел причин отказываться. “Талию” он оставил на второго помощника, привел себя в порядок и в компании с Марчетти отправился в город. Старпом не был в восторге от предстоящего раута.

– Пустая трата времени все эти светские мероприятия. Нам надо без спешки готовиться к плаванию.

– Грацини справится с текущими делами. Он опытный компетентный моряк. А для нас это шанс получше узнать планы соперников.

– Планы, ага. Планы на то, куда будут смотреть некие карие глаза. Постыдились бы, шкипер, у вас дома невеста.

Маттео вздохнул.

– Я не собираюсь заигрывать с синьориной Мариньолли. Просто хочу разобраться, насколько она серьезная соперница. Женщины-судоводители большая редкость. Ставлю гинею против сольданской лиры, что на самом деле “Гиппокампом” управляет ее старший помощник, а она – просто арматор, отправившийся в развлекательное плавание на своей новой покупке.

– Согласен, шкипер, но это не отменяет того факта, что вас ждет невеста в Ривальте. Синьорина – не какая-то простая девушка из далекого порта. Она из Понциано, практически соседи. Слухи, сплетни, ущерб репутации, девичьи слезы, взбешенный синьор Феррара и всё такое.

– Марчетти, не лезьте пожалуйста в мои семейные дела, – неожиданно холодно отрезал Маттео. – Глава дома сам в состоянии разобраться с женщинами, слухами и собственной репутацией. Если мне вдруг понадобится помощь, я сам попрошу её у тех, кого сочту подходящими.

Настроение испортилось. Шкипер и старший помощник не могли обойтись без разногласий, но за годы знакомства у них ещё не было повода для ссор. Впрочем, и юноша до того ни

разу не пытался давить в разговоре с членом команды своим статусом. Все и так признавали его авторитет шкипера.

– Прошу прощения, синьор, – отстраненно извинился Марчетти. Маттео кивнул в ответ.

Сэр Синклер обитал в особняке, построенном на английский манер. Маттео не разбирался в архитектуре, но видел похожие здания в богатых кварталах Лондона. Дом производил впечатление по меркам любой европейской столицы. Но особой роскошью для Фучжоу был дворецкий-англичанин.

Сам сэр Синклер оказался приятным мужчиной лет пятидесяти. Одет он был неброско, но даже итальянский арматор мог узнать стиль и качество портных с Сэвил Роу. Из его внешности более всего бросались в глаза ухоженные седеющие бакенбарды. Его супруга, полная и некрасивая надменная особа примерно тех же лет, щеголяла платьем из дорогого местного шелка. Маттео выругался про себя: едва не забыл за суетой купить обещанные матери, сестре и Марианне подарки.

На обеде также присутствовал один из старших клерков “Уинтропа” с супругой. В обществе начальника и шкиперов они чувствовали себя неуверенно, за весь вечер едва произнесли пару вежливых слов и тщательно пытались слиться с мебелью.

Показная роскошь особняка должна была, наверное, производить впечатление на китайцев и конкурентов. Маттео же не понимал любви к обоям с позолоченным рисунком, чрезмерно вычурному столовому серебру или бездумному собирательству картин модных художников.

Бенедетти инвестировали свободные средства в корабли. На городской дом тратили ровно столько, чтобы там было комфортно жить. Несколько картин и статуэток, украшавших гостиную – прихоть Катерины, которую родители и брат с радостью удовлетворяли. Мать часто и помногу жертвовала церкви.

С другой стороны “Талия” – разве это не предмет роскоши и не свидетельство тщеславия покойного отца? Судно-мечта, бесполезное в западном Средиземноморье, едва окупающееся что в коротких местных рейсах, что в трансатлантических фрахтах. Но с этой бездумной тратой Маттео был полностью согласен. Возможность нестись по океану на 17 узлах стоит любых денег.

Обед должен был задобрить ждущих чай шкиперов. По сути дела, сэр Синклер собрал их, чтобы сказать: он понятия не имеет, чем вызвана задержка чайных барж. Телеграфа в Фуцзяне не было, поэтому торговый дом отправил посыльных с запросами к своим китайским контрагентам в провинции.

Сам обед Маттео не впечатлил. Ему довелось познакомиться с английской кухней ещё подростком, и ему не понравилось. Слишком жирная, тяжелая и пресная, она становилась похожей на нормальную еду только тогда, когда в дело вмешивались французы. Здесь в лучшем случае чувствовалось влияние китайской экзотики.

Центром внимания была, конечно, синьорина Мариньолли. Она моментально покорила сердца хозяев удачными комплиментами, легко и непринужденно вела светскую беседу, и при этом умудрялась улыбаться Маттео и другому присутствующему за столом молодому итальянцу – шкиперу Меризи.

Выходец из Торребьянко тоже демонстрировал манеры, которых Маттео недоставало. Но другие – сдержанные и вежливые, почти как у англичан. Юноша представил себе большую строгую семью и мрачного наставника-монаха без чувства юмора, который за малейшую провинность нещадно лупил мальчика линейкой. Он даже сочувствовал… немного. Потому как его больше раздражало, что не он – в центре внимания.

Маттео засвидетельствовал свое уважение мистеру Рэнлетту и принял его искренние соболезнования в связи со смертью отца. Попытался прощупать почву в отношении шкиперов

“Лорда” и “Энчантресс”. Но суровые морские волки смотрели на слишком молодых итальянцев свысока и не горели желанием поддерживать беседу.

Марчетти, не очень хорошо говоривший по-английски, большую часть обеда молчал. Маттео решил разобраться, что представляют собой первые помощники на “Аквиле” и “Гиппокампе”.

Последний, синьор Дзанетти, был чем-то похож на швейцарских гвардейцев, которых юноша видел в Риме. Такой же невозмутимый, собранный и в то же время настороженный. Возможно бывший военный моряк, подумал Маттео. Он не был достаточно хорошо знаком с этой публикой. У него была пара знакомых сверстников, подавшихся в Королевский флот Сольдано. Кутилы, дебоширы и бабники. Но, возможно, есть и более серьезные, и ответственные?

Старпом “Аквилы” чувствовал себя за столом у торгового агента совершенно не в своей тарелке. Синьор Марини попросту не знал, как правильно себя вести. По крайней мере он не относился к тем американцам, которые кичились отсутствием у них хороших манер, выдавая дурное воспитание за свободу от европейских предрассудков.

После обеда, по английской традиции, гости должны были разделиться по полу. У джентльменов свои разговоры, у дам – свои. Однако синьорину Мариньолли подобная светская условность не устраивала. Она как-то умудрилась сделать так, что в салоне оказались все сразу – дамы в одном углу, джентльмены в другом, а она сама посредине, то есть в центре внимания.

Морские волки смотрели на юную итальянку неодобрительно, англичанки – с недоумением, синьор Меризи – оценивающе, а Маттео – со все большим уважением. Она могла не быть моряком, но ее отточенные навыки общения с людьми и деловая хватка намекали на то, что она неплохой предприниматель.

И глаз она радовала, глупо было отрицать очевидное. Красивым женщинам прощается многое, а умным и красивым – вдвойне.

Тем временем шкипер “Аквилы” завел разговор на политическую тему. Конечно же речь шла о Рисорджименто и о попытках графа Кавура подмять весь полуостров под власть Турина.

– Каждый раз, когда сардинцы заводят разговоры об Италии, мне хочется спросить, а какое они к ней имеют отношение? Они даже не говорят по-итальянски, это французская провинция.

– Дела военные и политические меня не волнуют, синьор Меризи. Но с практической точки зрения я выступаю за объединенную Италию. Бесчисленные таможни и таможенные правила, разнобой в денежных системах и законах – все это неблагоприятно сказывается на деле.

– Весьма недальновидная точка зрения, синьор Бенедетти. Времена, когда армии и флоты шли в бой за честь короны и страны, давно остались в прошлом. Битвы ведутся за то, чтобы национальные капиталы получили преимущество над заграничными. И первое, что сделают сардинцы, сицилийцы, или, избави нас Господь, австрийцы с французами, это уничтожат всю местную промышленность и торговлю в пользу своей собственной.

– Или же наоборот, постараются заручиться поддержкой местного капитала, чтобы как можно скорее восстановить налоговые поступления, -- пожал плечами Маттео.

– Сардинцы этим точно заниматься не будут. Вы слышали о некоем Гарибальди, которому Виктор-Эммануил пожаловал генеральские эполеты? Он десятилетиями пиратствовал в водах Бразилии и Уругвая, прославился там невероятной жестокостью и кровожадностью, а когда скрываться от властей стало невмочь, бежал на родину, в Ниццу. И вот его граф Кавур продвигает как “борца за объединенную Италию”.

– Если генерал Гарибальди действительно такой кровожадный негодяй, каким вы его живописуете, то я уверен: Королевская армия и флот Сольдано, если возникнет нужда, поставят его на место, – безразлично отозвался Маттео. Отношения Торребьянко с Сардинией и тем более репутация какого-то сардинского генерала его не интересовали.

– Безусловно политика Сардинии, диктуемая графом Кавуром, животрепещущая тема для всех итальянцев, – присоединилась к беседе синьорина Мариньолли. “Но мы можем обсудить и что-нибудь более соответствующее атмосфере вечера. У меня сложилось впечатление, что у китайцев есть смысл закупать не только чай. Как и любая приличная девушка, я хорошо разбираюсь в шелке. И уверенно заявляю: никакой лионский шелк так не красит дам, как китайский. Будьте уверены, что на него дома всегда будет спрос”

– Думаете заняться торговлей шелком? А что скажет синьор Мариньолли?, – поинтересовался Меризи.

– Увы, я не наследница семейного дела. Закон Понциано оставляет все наследство старшему ребенку в семье с обязанностью обеспечить несовершеннолетних и не способных трудиться по возрасту или увечью родственников. Но папа меня любит и балует, поэтому я часто получаю дорогие подарки. Например, возможность быть арматором с собственным торговым судном. Старший брат, к сожалению, в жизни интересуется только одним – поиском идеального рецепта запеченных мидий. Семейное дело, собственная жена, дети, подчиненные у него на втором плане после чревоугодия, – поделилась девушка. – Поэтому я могу себе позволить даже убыточные сделки. В разумных пределах, конечно же. А чем более успешной буду, тем меньше вероятность, что папа сосватает меня за какого-нибудь неудачника. Самостоятельность – это роскошь, доступная только исключительным женщинам. Я хочу ее добиться для себя.

– Стремление дерзкое, но похвальное, – признал Маттео. – Лично я бы предпочел еще некоторое время побыть под крылом своего отца, но увы. Господь призывает к себе по одному Ему ведомым резонам.

– Интересно. Значит как глава семьи вы полностью свободны в выборе того, что можете делать? – почему-то хитро улыбнулась синьорина Мариньолли.

– Безусловно. И несу ответственность за свои поступки.

– Слова не мальчика, но мужа. Осторожно, шкипер, а то очень скоро вам придется нести ответственность еще и за жену, – рассмеялась девушка.

Маттео непроизвольно улыбнулся в ответ. Его сердце забилось чаще. Несколько охладил атмосферу неприязненный взгляд синьора Меризи.

– Боюсь, пределы ответственности синьора Бенедетти очень скромные. Его отец, насколько мне известно, начинал простым матросом. Не чета почтенным землевладельцам или такой древней торговой семье как моя, – надменно вмешался шкипер “Аквилы”. – Личные достоинства не должны умаляться, но без достойного происхождения наличие таковых в человеке сомнительно. В конце концов, наши предки не зря заняли высокое место в обществе, синьора.

– Не могу сказать ничего плохого о своих предках. Кроме бабушки по матери, старуха никогда меня не любила, – улыбнулась шкипер “Гиппокампа”. – Будучи благородного происхождения не хочу и не буду играть в “свободу, равенство и братство”. Но не собираюсь отказывать простолюдинам в возможности доказать, что в них есть нечто такое, что заслуживает внимания и восхищения.

– Это обещание? – дерзнул Маттео.

– Это вызов. Маленькие вызовы делают нашу скучную жизнь интереснее, не правда ли, синьоры?

Шкиперы “Талии” и “Аквилы”, раззадоренные дерзкой девушкой, неприязненно смотрели друг на друга. А синьорина, раздув пламя, принялась обрабатывать супругу торгового агента.

Глава 7

Чайные баржи задержались из-за того, что выше по течению Миньцзян объявилась банда речных разбойников. Она разграбила и сожгла несколько купеческих судов. Торговцы чаем собирали вооруженную охрану, что и привело к опозданию.

Маттео воспользовался ожиданием, чтобы купить четыре штуки первоклассного шелка. Матери – жемчужно-белый, сестре – бирюзовый, а Марианне – синий. И еще красный про запас. Пришлось отдать серебра на 20 местных таэлей – на 280 лир, с учетом процентов и комиссий. Другое дело, что в Сольдано за них пришлось бы выложить тысячи полторы, если не больше.

Как только баржи причалили к пристани в Фучжоу, команды чайных клиперов пришли в оживление будто кони перед скачками. Сэр Синклер подписал необходимые бумаги, и гонка началась.

Старт получился одновременным почти для всех, за исключением “Энчантресс”. Ее трюм уже был наполнен где-то наполовину еще до задержки барж, и полностью загрузилась она первой. Вниз по реке на буксире у пыхтящего и коптящего “Вилли” она тоже пошла первой.

На “Талии”, как и на других клиперах, царил управляемый хаос. Маттео наблюдал за этой суетой с нанятой в порту лодки.

Он следил за дифферентом, который менялся в зависимости от распределения грузов по трюму. Большинство шкиперов предпочитали, чтобы корма сидела низко в воде, а нос задирался. Считалось, что так клипер набирает максимальную скорость. Однако у Маттео было другое мнение. По его мнению, “Талии” нужен был практически ровный дифферент, может быть на полпланки к корме.

Гребцы-китайцы бормотали что-то неодобрительное, склянка за склянкой противостоя речному течению. Маттео наконец сжалился, скомандовал к берегу и добавил им несколько мелких английских монет за терпение.

На буксире у “Лэсс” пошел вниз по реке “Лорд оф зе Айлз”. Его провожали завистливыми взглядами, не отрываясь от последних приготовлений.

Маттео на всякий случай поговорил с лоцманами. Увы, но даже самый опытный из них не рискнул бы провести груженый клипер по реке без буксира.

Потянулись часы, которые можно было бы потратить на отдых. Но всех охватило томительное напряжение. Они слышали о том, что судьба некоторых гонок решалась с разницей в несколько часов. Но сделать ничего не могли.

В итоге “Талия” вышла в море четвертой, после “Аквилы”, но раньше “Гиппокампа”. “Сюрприз” вообще не торопился – его шкиперу не понравилась часть чая, которую ему предлагали, и он остался добиваться от сэра Синклера его замены.

Как только клипер наконец-то вышел из речного эстуария, Маттео приказал ставить максимум парусов из возможного. Клипер быстро набрал ход, поднимая мощные буруны своим изящным носом.

Очень быстро и шкипер, и команда почувствовали, что такое чайная гонка. Идти круглые сутки полным ходом, неся на реях даже летучие паруса, было непросто. Усталые матросы после вахт наспех ели и засыпали мертвым сном. Маттео же очень быстро выяснил, что ему придется жить на палубе.

Управление клипером на полном ходу было тяжелой задачей, с которой Грацини в одиночку не справлялся. У Марчетти это получалось лучше, но его природная осторожность и нелюбовь к риску в первые несколько дней обернулись падением средней скорости почти на четверть узла. Маттео же как шкипер и владелец мог позволить себе любые издевательства над судном.

Дни шли за днями. Маттео начал обрастать неряшливой бородкой и усами, питался в основном кофе, галетами и остатками консервированной ветчины. Спал урывками, час там, два здесь. Научился просыпаться от изменения в тоне натянутого как струны такелажа.

Плавание чуть было не закончилось катастрофой уже в Яванском море. Следуя за ветрами, “Талия” отклонилась почти на градус к югу от обычного маршрута чайных клиперов. Карта британского Адмиралтейства, которой они пользовались, не указывала на какие-либо навигационные опасности. К счастью впередсмотрящий не спал в “вороньем гнезде” на грот-мачте и вовремя заметил подозрительные буруны по курсу. Рулевые даже без приказа навалились на штурвал, чем и выиграли несколько минут, необходимых для корректировки курса парусами. Не обозначенная на карте каменистая гряда, едва выглядывавшая из морских волн, осталась меньше чем в полукабельтове по правому борту.

Некоторое время над палубой висел тишина, которую потом разорвала типичная для подобных ситуаций смесь искренних молитв и не менее искренней нецензурной брани.

И впередсмотрящий, и рулевые сразу же получили от Маттео щедрую награду за спасение судна. Грацини запоздало объяснил, что в этом краю вулканов новые острова и рифы могут появиться неожиданно, иногда буквально на глазах. Слепо доверять картам не следовало.

В Зондском проливе “Талия” неожиданно поравнялась с “Аквилой”. Два корабля несколько дней шли вместе, в прямой видимости друг от друга. Но торребьянкийский клипер не мог держать такую же высокую среднюю скорость. Сольданское судно постепенно обгоняло его, к радости всех на борту. Когда соперник скрылся из виду, Маттео распорядился выдать всем дополнительную порцию вина.

Впрочем, радость длилась недолго. С каждым днем она сменялась все большей и большей усталостью по мере того, как судно спускалось к югу. В то же время несколько раз удалось пройти больше 300 миль за сутки.

Все успели похудеть и осунуться. Запасы кофе, к неудовольствию корабельного кока, стремительно истощались. Он уже разбавлял его пережженным зерном.

По мере исчерпания запасов у команды “Талии” появилась новая работа – перетаскивать грузы в трюме для того, чтобы поддерживать дифферент. Стоило чуть ошибиться, и клипер на большой скорости начинал нервно зарываться носом в волну.

Но больше всего в этом плавании Маттео запомнился один из злосчастных июльских дней. Барометр стабильно падал, предвещая сильную бурю. Но ветер крепчал, и шкипер не хотел упускать такую возможность. Замер скорости показал шестнадцать с четвертью узлов, и был шанс разогнаться до немыслимых семнадцати.

Корпус клипера дрожал от напряжения, такелаж звенел, четверо рулевых вцепились в штурвал, дабы он не дернулся и рывок руля не погубил бы судно вместе со всей командой. Маттео вглядывался наверх в ожидании момента, когда все-таки придется убрать часть парусов, а матросы в спешке задраивали все люки и намертво крепили шлюпки.

Ветер неожиданно усилился и резко сменил направление, бросая огромные волны почти поперек курса “Талии”. Дождь ударил стеной, не давая дышать.

Маттео, срывая связки в гуле ветра и шуме дождя, выкрикивал команды. Марчетти поднял всех подхватенных. К борьбе с парусами присоединились даже кок и стюард. Один только доктор Дзамбони оставался у себя в орлопе. Тяжелые травмы в таких условиях были нередкими.

Помощь врача понадобилась быстрее, чем хотелось бы Маттео. С грот-марса-рея сорвался на палубу один из матросов, неаполитанец Сарто. Отделался удивительно дешево – сломал правые ногу и руку. Такие падения нередко заканчивались похоронами в море.

Ветер снова переменился, и “Талия” опасно качнулась на левый борт. Удалось выровняться, но рулевой старшина был чем-то недоволен.

– Шкипер, – прокричал он, – руль ощущается странно. Будто бы на левый борт появилась небольшая заминка.

– Понял, Фаллачи. Пока ничего сделать нельзя.

Ветер продолжал играть с клипером. Пена срывалась с гребней волн и захлестывала палубу; дождь бил с прежней яростью. Речи об удержании курса или поддержании скорости и не шло – лишь бы не опрокинуться, лишь бы не опрокинуться, лишь бы не опрокинуться…

Раздался жуткий треск, и порванный фок-стаксель беспомощно повис громадной мокрой тряпкой. И без того не слишком хорошо управлявшаяся "Талия" начала вести себя еще более паршиво, потеряв один из удерживавших ее на курсе парусов.

Маттео скомандовал поставить запасной парус. Боцман и его помощник побежали (как могли, с учетом качки) в парусный ящик, оборудованный в форпике. К счастью, новый парус можно было поднять прямо с палубы – одно из достоинств современного парусника.

"Талия" резко качнулась под боковым порывом ветра. Снова треск – на этот раз более глухой. Сломалась и беспомощно болталась на тросах грот-бом-брам-стеньга, угрожая в любой момент сорваться на палубу, убивая и калеча людей, и нанося страшные раны судну.

Замена верхних рангоутных деревьев – задача не самая простая даже в штиль. А уж в ураган и вовсе нерешаемая. Даже просто освободить и сбросить за борт сломавшуюся часть рангоута было чертовски сложно.

И как раз в такой ситуации маленькая команда клипера была огромным недостатком. У шкипера не хватало рук для того, чтобы устранить две проблемы сразу, и при этом продолжать маневрирование.

– Марчетти, палуба ваша. К черту скорость, держите ее как можно ровнее. Барикко, Вирер, Сантьяно, Рокка – за мной. Снимем сломанное, запасную стеньгу поставим потом, в штиль.

– Погодите, шкипер. Можете меня списать в ближайшем порту, но я не согласен с приказом. Ваше место – на палубе, Грацини поможет, а я с ребятами – на грот.

Маттео выругался. Но старпом был прав. Из них троих он лучше всего умел управлять судном. Марчетти с его опытом был гораздо более полезен наверху. А Грацини, не раз бывавший в Индийском океане – на палубе.

– Удачи!

Он не смотрел на то, как пятеро моряков карабкались на высоту, невзирая на ветер и качку. Его сейчас больше занимало все более хаотичное поведение "Талии" при порывах ветра в галфвинд и бейдевинд. Нужно было срочно откорректировать те немногие паруса, которые она несла, но как?

Он больше никогда не видел Симона Марчетти. Только сквозь грохот бури услышал леденящий душу крик, последовавший за очередным резким креном клипера. Сантьяно рассказал, что старпом не успел схватиться за линь и упал за борт.

Кинули пробковый спасательный буй и несколько пустых бочонков. Но это был жест отчаяния. В таком море человек не мог продержаться и нескольких минут.

Вскоре буря закончилась. "Талия" легла в дрейф – команде было необходимо хотя бы несколько часов отдыха, а потом – время для замены стеньги. Маттео метался по юту, будто лев в клетке. Один человек погиб, один, вероятно, не сможет ходить до самого Лондона, еще девять получили мелкие травмы. Всякие ушибы не в счет.

Бесполезно было гадать, насколько клипер отстал от конкурентов. Маттео просто вел "Талию" на запад. Атмосфера на борту была хуже некуда. Все были потрясены внезапной смертью старпома, которого команда высоко ценила как справедливого и компетентного офицера.

В Кейптаун он решил не заходить. Провизии до Лондона должно было хватить, запас воды можно было пополнить во время дождя.

С последним просчитались, поэтому пришлось сделать остановку у берегов негостеприимного острова Святой Елены, последнего приюта величайшего авантюриста Европы.

Но все же это была обитаемая суша. Удалось организовать увольнение на берег – какой ни есть, но после месяцев напряженного плавания команде нужен был даже краткий отдых.

Маттео, редко заглядывавший в церковь, решил заказать заупокойную службу по Марчетти. Он опасался, что на английском острове католического священника не найти. Но, к его удивлению, в Джеймстауне действовала церковь Святейшего сердца. Служил там армейский капеллан отец Маккарти.

Католиков на острове было мало. Но тридцать с лишним человек команды клипера в недавно построенное скромное белое здание церкви поместились. Привычные с детства слова молитв если и не подняли настроение морякам, то хотя бы успокоили их.

На острове Маттео выяснил, что “Талия” точно отстает от “Энчантресс” на двое суток. Остальные участники гонки на остров не заходили, видимо пополняли запасы в Кейптауне.

Путь на север по Атлантике легким не был. Шанс как минимум обогнать “Энчантресс” всё ещё был. Мачты гнулись под напором парусов, форштевень поднимал огромные буруны, “Талия” стремительно преодолевала градус за градусом широты. Платила она за это напряженным трудом её небольшой команды.

Львиная доля напряжения ложилась на плечи шкипера. Гибель Марчетти была не просто печальным событием – она серьезно осложнила его работу. Грацини все еще не до конца разобрался в тонкостях управления клипером, да и не стремился к этому. Поэтому львиную долю обязанностей покойного Маттео пришлось взять на себя.

Конечно, он и Грацини поровну распределили время вахт. Но новый первый помощник ещё в Индийском океане растерял последние остатки мотивации. Не сказать, чтобы он халтурно относился к своим обязанностям, но и необходимого в таком сложном плавании рвения не высказывал. Маттео подозревал, что в Лондоне он уволится быстрее, чем “Талия” встанет под разгрузку.

Было тяжело. Но тяжесть эта равномерно распределялась на часы, дни и недели плавания. Моменты напряжения соседствовали с рутинной работой моряков на парусном судне. Ничего такого, о чем стоило бы упомянуть в письме домой.

Клипер относительно спокойно прошел через два шторма. Мелкие поломки и обычные легкие травмы не в счет. Атлантическая часть плавания обошлась без происшествий со смертельным исходом.

Шлюзы на Темзе “Талия” прошла в середине сентября. К величайшему разочарованию и Маттео, и всей команды, они пришли третьими.

Гонку в этом году выиграл “Лорд оф зе Айлз”, от которого итальянский клипер отстал на три дня. “Энчантресс” опередила “Талию” на тридцать один час. Команды обоих судов уже пропивали щедрые премии по лондонским пабам.

По крайней мере, судно семьи Бенедетти оказалось лучшим среди иностранцев. “Аквила” отстала на двадцать семь часов, а “Гиппокамп” – почти на три дня.

Впрочем, чай у них у всех купили по рыночным ценам. Которые, разумеется, рухнули вниз, как только на берег выгрузили ящики из трюма “Лорда”.

Глава 8

Лондон был одним из тех мест на Земле, которые полностью уничтожали и подавляли индивидуальность человека, низводили его до песчинки в часах, до шестеренки в сложном и непонятном механизме. Шум, суета и смог сентябрьского Лондона почти физически душили Маттео, но покинуть столицу Соединенного Королевства он пока что не мог.

Арматор сидел за столом в номере “Саблоньера” – лондонской гостиницы, которую уже несколько десятков лет как облюбовали прибывающие в Англию состоятельные итальянцы. Липкий вечерний туман за окном лишь слегка смягчал шум экипажей и гул толпы. В “Альгамбре”, располагавшемся на той же Лестер-сквер безвкусном огромном театре, видимо закончилось очередное представление мюзик-холла. Маттео подобные развлечения никогда не интересовали.

Он и к окну-то подошел, чтобы дать отдых спине после нескольких часов сидения за письменным столом. Время вынужденного пребывания в городе он старался использовать с пользой для дела и подводил предварительные финансовые итоги китайского плавания.

Результаты оказались более чем скромными. Чистая прибыль после всех выплат едва ли доходила до десяти тысяч лир. Эти деньги можно было бы с большим комфортом и меньшим риском заработать на трансатлантических фрахтах.

Из этой суммы Маттео уже вычеркнул две тысячи. Банковский чек он отправил вместе с письмом с соболезнованиями вдове Марчетти. Пригодятся, учитывая, что двое детей остались без отца.

В Лондоне Маттео застрял вместе с “Талией” сразу по нескольким причинам. Первой, самой обидной и глупой, было нелепое столкновение прямо в лондонских доках. На корму клипера навалился шведский барк с лесом, сломав ему руль и серьезно повредив обшивку. Починка не представляла сложности – в крупнейшем порту мира было более чем достаточно ресурсов и специалистов для того, чтобы устранить любые повреждения и заодно переделать перо руля по новым спецификациям, с учетом выявившихся особенностей поведения клипера на больших скоростях.

Проблемой стало то, что “Ллойд” затягивал со страховой выплатой из-за проволочек со стороны стокгольмского судовладельца. Шведский шкипер, герр Стриндберг, целиком и полностью виновный в случившемся, на сотрудничество не шел, делал вид, что не понимает английский Маттео и вообще вел себя настолько вызывающе и некультурно, что даже флегматичные и бесстрастные английские чиновники отводили глаза и горестно вздыхали, сочувствуя молодому итальянцу.

Вынужденный простой стоил денег и подрывал дисциплину экипажа. Несколько человек уже уволились, найдя более подходящую работу. Первым среди них был Грацини – добился себе места на нью-йоркском пакетботе. Оставшейся команды хватило бы для перехода в Ривальту, но едва-едва.

Утро было ничуть не лучше предыдущего вечера. В Вест-Энде можно было найти приличный кофе, но это было единственным светлым моментом. Маттео даже не хотел задумываться о том, каково жить здесь поздней осенью и зимой.

С утренней почтой пришла пара писем. Одно из них оказалось предложением поучаствовать в торгах, на которых продавали после банкротства судовладельца ходивший в Россию за зерном 800-тонный бриг. Описание судна звучало привлекательно, но у Маттео не было острой необходимости добавлять в свою флотилию еще один крупный вымпел. Стартовая цена была невысокой, и если повезет, купить его можно было бы даже без заемных средств. Маттео подумал и решил, что он съездит посмотрит бриг просто для удовлетворения любопытства.

Кажется, Марианна так делает в модных лавках Ривальты, вспомнилось юноше. Но мысль о подруге детства вылетела из головы, когда он увидел адресанта второго письма. А когда открыл его и прочел, сердце вдруг забилось чаще.

Его автором была синьорита Мариньолли, которая также задержалась в Лондоне после завершения плавания. Она поселилась в “Браунз” – одном из самых дорогих и роскошных отелей Лондона. “К сожалению, мою лондонскую жизнь омрачает постоянный надзор тетушки Марты. Занудная, лицемерная и приторно-набожная особа. Истинный Тартюф в юбке”, – жаловалась девушка.

Но даже присмотр дуэньи не мешал синьорине вести светскую жизнь, к которой она приглашала приобщиться Маттео. Небольшой скромный прием для избранной публики, в основном итальянцев. Синьор Бенедетти наверняка сможет обзавестись полезными для его бизнеса знакомствами, писала она. Но почему-то Маттео читал между строк совсем другой посыл. Девушку почти наверняка интересовал не сольданский судовладелец, а Маттео как человек.

В Амабиле Мариньолли его тоже интересовало не то, что она шкипер и судовладелец (хотя это само по себе было неслыханной редкостью), а ее… женская сторона. Она была умна, очаровательна, остроумна и, чего уж таиться от самого себя, красива и привлекательна. Жизнь и близость с такой девушкой были бы не обязанностью, а удовольствием.

Маттео осадил себя. Он явно забегал далеко вперёд. У него, судя по приглашению, были шансы. Амабиле он был как минимум не противен. Но насколько сильно и в чем именно она заинтересована? Воспринимает ли она его как возможность развеять скуку вдали от дома, заведя интрижку с подвернувшимся под руку соотечественником? Или уже присматривается к планам на будущее, готовится сделать собственный выбор, чтобы предложить семье выгодную партию?

Маттео никогда раньше не слышал о Мариньолли. Но по итальянским государствам разбросаны тысячи аристократических родов, некоторые с титулами, некоторые – без, некоторые – богатые как Крез, некоторые – бедные как церковные мыши. До тех пор, пока Бенедетти не вели с ними дел, они очень мало интересовали юношу.

Мариньолли безусловно богаты, раз даже младший ребенок в семье может позволить себе чайный клипер и номер в “Браунз”. Вероятно “старые деньги”, свой капитал накапливали веками. Землевладельцы зарабатывают не быстро, но стабильно, это Маттео знал.

Выводы были печальные, и Маттео предпочел не закапываться в них. До приема необходимо было сделать множество рутинных дел, касавшихся “Талии”, да и обновить гардероб не мешало. Пошитые по неаполитанской моде серый сюртук и брюки и черный жилет были уместны на деловых переговорах, но для светского мероприятия нужен фрак, брюки и белый жилет.

Ремонт “Талии” шел по графику. На верфи предложили заодно внести некоторые мелкие изменения в конструкцию мачт и стоячего такелажа. Маттео подумал и решил, что несколько десятков фунтов стерлингов сверху – нормальная цена за улучшенную управляемость.

Зерновоз он тоже посмотрел, и остался не впечатлен. Построенное двадцать с лишним лет назад судно просилось на разборку. Зато едва не впал во искушение и чуть не купил “Леди Мэри”, изящный пароход с парусным вооружением двухмачтовой шхуны. Самое то для рейсов во французские порты и Лондон. Продавец так расхваливал судно, сопровождал свои слова такими заманчивыми цифрами, что Маттео почти забыл о своей нелюбви к паровым машинам. От импульсивной покупки спасла высокая цена. Пришлось бы брать заем, а его условия в британских банках судовладельцу не понравились.

Личные вкусы личными вкусами, но видимо придется перестраивать бизнес под пароходы. Нужны не только новые вымпелы, рассуждал Маттео после знакомства с “Леди Мэри” и ее владельцем, но и портовая инфраструктура, обученные моряки, поставщики угля. С последним было плохо – во всей Италии уголь добывали только на Сардинии, да и тот не самого

высокого качества. Для топок коммерческих пароходов он был вроде как пригоден, но цены на импортный британский были все равно ниже.

Такие размышления помогали Маттео отвлечься от волнений по поводу предстоящего приема. Даже оставив в стороне перспективу повидаться с девушкой, которая, чего скрывать, ему нравилась, он был новичком на подобных мероприятиях. Очень не хотелось опростоволоситься.

Роскошный ресторан отеля на вечер превратился в персональный салон итальянской аристократки. Гостей было около дюжины, и почти никто из них не был знаком Маттео. Неприятным исключением был синьор Меризи. Темно-синий фрак сидел на нем гораздо лучше и естественнее, чем коричневый, из магазина готового платья, на Маттео. Юноша влез в него только после долгой подгонки, сопровождавшейся неодобрительным ворчанием пожилого сутулого портного на неразборчивом западноломбардском диалекте.

Зато синьорита Мариньолли блистала и сияла, затмевая всех присутствующих дам. Лондон пошел на пользу и ее внешности, и гардеробу. Даже в Фучжоу было видно, что она – красивая девушка, но здесь от нее было невозможно оторвать взгляд.

Большинство гостей были выходцами из Понциано. Крохотное королевство обладало непропорционально мощным влиянием на европейских рынках и в дипломатических кругах, зарабатывая на нейтралитете больше, чем иные – на промышленности и сельском хозяйстве. Помимо Маттео и Меризи из иностранцев на вечер был приглашен только немолодой тосканский виноторговец синьор Фонтани, приехавший в Лондон для переговоров с сэром Томасом Биддульфом, распорядителем королевского двора. Он присутствовал вместе с супругой, которая целиком и полностью завладела вниманием печально известной тетушки Марты.

Маттео удалось завести вежливую беседу с синьором Дзанетти, который также присутствовал на приеме. Моряк он был компетентный, хотя в дальних плаваниях раньше не бывал. В молодости он служил во флоте Двух Сицилий, но по семейным обстоятельствам вынужден был уйти в отставку и вернуться в Понциано. У шкипера сложилось впечатление, что старпом “Гиппокампа” чем-то обязан семье Мариньолли, и теперь вынужден работать нянькой для слишком самостоятельной дочери в ее морских авантюрах.

Наконец-то у Маттео появилась возможность поговорить и с Амабиле. Мысленно он уже звал девушку по имени.

– Как вам Лондон, синьор Бенедетти?

– Как и всегда. Шумный, переполненный людьми, негостеприимный, но слишком богатый и влиятельный, чтобы можно было его игнорировать. А как вы смотрите на этот город, синьорита Мариньолли?

– Он уступает Парижу в изяществе манер и моды, но здесь множество возможностей. А я из тех людей, которые пользуются каждым шансом, – последнюю фразу она подчеркнула тонкой улыбкой.

– Я тоже приучен не упускать свой шанс. У меня сложилось впечатление, что наши взгляды полностью совпадают.

– Мы не боимся рисковать своей жизнью в открытом море. Но светские салоны – совершенно другое поле боя. Готовы ли вы вступить на него?

– Если возможный трофей будет стоить того

– А вы меркантильны, Маттео, – она неожиданно перешла на имена.

– Практичен… Амабиле. Будь я королем, никогда не начинал бы войны из-за каких-то пустяков. Только ради приобретений, которые окупят пролитую кровь и потраченные деньги.

– Тогда что вы думаете о Троянской войне? Стали бы вы воевать за Елену Прекрасную?

Маттео замялся. Его знания истории содержали огромные пробелы. Хотя… это же что-то из классической литературы. “Одиссея”? Нет, “Илиада”. Что-то там о слишком красивом

греческом царьке, который похитил чужую жену, а за это его город остальные греческие государства сравняли с землей.

– Похищать чужую жену – поступок, недостойный доброго католика, – порадовался тому, что не показал себя полным невеждой, юноша. – Но, если бы речь шла о незамужней девушке, я бы рискнул. С согласия девушки, иначе это опять-таки недостойный доброго католика поступок. Мы же не берберские дикари какие-нибудь.

– Над согласием придется поработать, – хитро усмехнулась Амабиле.

Она отвела его в укромный уголок зала, где шансы на то, что их подслушают, были минимальными.

– Маттео, приготовьтесь. Я сейчас предстану перед вами в таком неприглядном виде, в каком обычно раскрываются лишь супруги уже после всех клятв, – хихикнула она. – Но такова моя природа. Я эгоистичная, избалованная и прагматичная. Когда речь идет о моем будущем, меня не волнуют условности.

Маттео слушал удивленно, не зная, что сказать и чего ожидать. Амабиле продолжила.

– Я вижу, что вы во мне заинтересованы достаточно сильно, чтобы совершить глупость и сделать мне предложение. Мне это льстит, признаю. Я и сама расположена к вам. Но все же откажу, безжалостно и беспощадно. Как уже отказала синьору Меризи.

Удивление у юноши сменилось шоком.

– Чтобы претендовать на такой трофей как я, вам обоим недостает сил. Вы, Маттео, состоятельны, но не настолько богаты, чтобы впечатлить меня и мою семью. Адриано – выходец из старинного рода, но всего лишь младший сын. Добейтесь большего – денег, статуса, славы. И тогда Елена без раздумий отправится вслед за Парисом.

Девушка без лишних слов вернулась к гостям, оставив юношу в тщетных попытках осознать услышанное.

Они продолжились и в ближайшие дни. Даже предстоящий вывод “Талии” из сухого дока не смог полностью привести Маттео в чувство. Хотя деловые переговоры до некоторой степени помогали отвлечься.

Арматор обратился в “Ллойд” в поисках подходящего фрахта до Ривальты или другого порта в западной Италии. Но, к своему немалому удивлению, получал отказ за отказом. В лондонских деловых кругах ходили нехорошие слухи о том, что на Апеннинах назревает буря.

Говорили, будто сардинцы готовятся воевать с Тосканским герцогством, что старый смутьян Гарибальди готовит большое восстание в Двух Сицилиях, что австрийцы перебрасывают войска к своей итальянской границе. Ничего нового в этих спекуляциях не было, да и зерно истины в них имелось.

Но что беспокоило Маттео куда больше, так это слухи об обострившемся споре между Сольдано и Торребьянко. Соседние государства с незапамятных времен не могли поделить архипелаг Асторелла. Ничего особо примечательного кроме крохотного городка, пары рыбацких деревень и монастыря XIV века с виноградниками. Но рыбаки из этих самых деревень поставляли на рынки Ривальты и Торребьянко не менее трети всей потреблявшейся в двух государствах рыбы и морепродуктов. Манипуляции с пошлинами и налогами, чтобы перенаправить торговлю к себе и навредить соседям, были обычным делом. Бывали и вооруженные столкновения – но последний раз еще в прошлом веке.

Сколько в этих слухах было правды, юноша не знал. Но тарифы страхования поползли вверх, поставщики начали задерживать отправку любых не срочных грузов. Неустойки выглядели предпочтительнее возможной потери грузов и судов в вооруженном конфликте.

Идти в балласте совершенно не хотелось. Маттео и так понизил расценки до самой грани рентабельности. Еще немного, и он согласился бы набить трюмы углем – если бы нашелся желающий отправлять такую небольшую партию.

Письмо от “Стерлинг энд Торн Айронворкс” с предложением обсудить условия возможного фрахта выглядело как дар Божий. Маттео без колебаний согласился на встречу.

Сэр Бартоломью Торн оказался худощавым и очень высоким, выше Маттео, немолодым мужчиной. Он был близорук и говорил так медленно, будто быстрая речь вызывала у него боль.

– Мистер Бенедетти, я слышал, что ваше судно достаточно быстрое для участия в чайных гонках. Это верная информация?

– Да. Мы проиграли, но показали не худшее в этом году время.

– Вы можете развить высокую скорость в водах Средиземного моря?

– Зависит от ветра. Но обычно “Талия” – самое быстрое торговое судно во всем Тирренском море.

– Вы не возражаете против перевозки потенциально опасных грузов?

– За соответствующую премию.

– Вы готовы подписать документ, обязывающий держать в тайне все, что будет сказано далее?

– Если это не касается какой-то преступной деятельности, то да.

Сэр Торн извлек из портфеля несколько листов бумаги с соглашением, составленным исключительно изворотливым английским крючкотвором. Маттео три раза перечитал его, прежде чем подписать.

Заказчик удовлетворенно кивнул

– Я разработал новую модель артиллерийского орудия, весьма совершенную. Она значительно превосходит и пушки, которые делает “Эльсвик”, и продукцию казенного Вулвичского арсенала. Но увы, влияние мистера Армстронга чересчур сильно. Нет пророка в своем отечестве. Тем не менее, королевство Сольдано приобрело мое изобретение для вооружения нового броненосного корвета, строящегося сейчас в Бэрроу.

Разговаривали они за чаем. Сэр Торн сделал паузу и промочил горло глотком пахучего напитка. Маттео из вежливости тоже пригубил чашку.

– Мы с моим партнером мистером Стерлингом произвели первые семь орудий и запас снарядов к ним, а также капсюли, орудийные принадлежности и всё необходимое. Однако корвет ещё не готов. Если вдруг Сольдано ввяжется в войну – с вашими соседями или с Сардинским королевством – власти скорее всего не разрешат его передачу заказчику. Поэтому решено доставить в Сольдано хотя бы орудия. В лучшем случае ваши флотские артиллеристы ознакомятся с ними до установки на корабль. В худшем ими перевооружат что-то из вашего флота или установят на береговой батарее. Ваша задача – быстро и не привлекая внимания доставить орудия в Ривальту.

– Я не испытываю никаких предубеждений в работе на короля. Или к перевозке оружия, хотя никогда раньше этим не занимался. Считайте, что вы зафрахтовали “Талию”. Мне нужны будут сведения о том, сколько весит каждое орудие и ящик со снарядами или снаряжением. Заранее спланирую, как их загрузить для правильного дифферента. А теперь давайте обсудим финансовую сторону вопроса.

Сэр Торн кивнул. Особой щедрости он не демонстрировал, но удалось договориться на приемлемые условия. Неделю спустя глубоко сидящая в воде “Талия” с грузом орудий, снарядов и принадлежностей, а также опломбированным портфелем с руководством по эксплуатации и таблицами стрельбы в капитанском сейфе, под аккомпанемент октябрьского дождя вышла в море и взяла курс домой.

Часть 2

Глава 9

О войне на “Талии” узнали, когда готовились пройти проливом Бонифачо.

Им просигналил шедший в Испанию “Арно”. Его шкипер синьор Алавердян, грузный немолодой армянин из Ливорно, давно знал семью Бенедетти.

Два судна сбавили ход, с парохода спустили катер, и вскоре тосканский шкипер уже стоял на юте клипера. Команда парусника держала вежливую дистанцию, но жадно ловила каждое слово.

– Маттео, мальчик мой, кошмарные новости. Война!

– Сардинцы? Гарибальди?

– Нет, Господь и Дева Мария пока что хранят нас от козней графа Кавура. У тебя дома война. Третьего дня первый консул Торребьянко официально объявил о состоянии войны, а вчера, незадолго до нашего выхода в море стало известно и в Ливорно.

– Слухи не врали. Ллойд весь сентябрь и октябрь повышал страховую ставку. Что там случилось?

– Свечку не держал, но говорят, будто в сентябре торребьянкийская таможня обвинила рыбаков с Асторелы в уклонении от уплаты пошлин и попыталась конфисковать несколько лодок. Народ на островах ни бога, ни черта не боится, послал их туда, где Солнце не светит. Таможенники в Торребьянко, сам знаешь, сплошь головорезы и отморозки. Их капитан скомандовал отобрать лодки силой. Рыбаки за ножи, таможенники – стрелять. Те из асторелльских, кто поумнее, попрыгали в лодки и дали ходу. Таможенная шхуна кого-то из них попыталась взять на абордаж, но навалилась и потопила.

С палубы раздались возгласы недовольства и ругань. Торребьянкийских таможенников никто не любил.

– Выжившие отправились сразу в Ривальту. Там сопли не жевали. Через несколько дней рыбаков в море сопровождал один из ваших старых парусников, “Ардито”. Все успокоились, остыли, у нас перестали следить за вашими заморочками, и тут вдруг бац – война! Подробностей не знаю, уж извини, Маттео. Но будь осторожнее – вымпелов у Торребьянко побольше вашего, а “Талия” судно приметное. Заметят – сразу попытаются захватить, это ж гордость вашего торгового флота.

Маттео непроизвольно покраснел от похвалы старого моряка.

– Спасибо что предупредили, синьор Алавердян. Надеюсь, проскочим, а в случае чего – оторвемся. Не думаю, что у них кто-то может идти быстрее 12 узлов.

– И то правда.

Шкипер “Арно” пожелал морякам с “Талии” удачи и вернулся к себе на борт, а клипер отправился в Тирренское море.

Крохотный по сравнению с месяцами в открытом море переход между Бонифачо и Ривальтой прошел под знаком незнакомого Маттео ранее чувства – страха. Одно дело полумифические малайские пираты, а другое дело – вражеский флот, который уже мог выйти на охоту на хорошо известные всем торговые пути.

Сократившаяся в Лондоне до 29 человек с единственным офицером команда “Талии” напряженно присматривалась к каждому мелькающему на горизонте парусу или дыму. Движение в Тирренском море было интенсивным, как всегда.

Маттео попытался вспомнить, что ему известно о торребьянкийском флоте. Оказалось, ровным счетом ничего. Он неплохо представлял себе все крупные торговые суда, ходившие под

бело-зеленым флагом республики, но вооруженные силы соседа его раньше не интересовали. Среди матросов тоже не нашлось никого, кто мог бы пролить свет на этот животрепещущий вопрос.

Сольдано и Торребьянко последний раз воевали между собой более 100 лет назад. Но Маттео о той войне помнил лишь то, что Сольдано победило и закрепило за собой Асторелльы вместе с несколькими кусками приграничных территорий.

Наверняка у них есть боевые корабли на паровом ходу. У Сольдано есть целых три броненосца и паровой бриг, у Торребьянко наверняка не меньше. От броненосцев "Талия" скорее всего уйдет, от брига… Вспомнилось совместное плавание с русским "Гайдамаком". Что ж, при благоприятном ветре тоже уйдет. При неблагоприятном любой пароход ее нагонит и захватит.

Терять любимое судно Маттео не хотелось. Поэтому он поднял столько парусов, сколько позволял ветер и сокращенная команда. "Талия" шла на очень приличных 12 с четвертью узлах.

На внешнем рейде Ривальтийской бухты клипер ожидаемо встретила брандвахта. Но вместо старичков "Ардито" или "Сан-Дженнаро" там коптил небо "Рокка". Низкобортный броненосец угрожающе целился куда-то в сторону моря своими гигантскими 180-фунтовыми пушками в бронированной башне. Выглядело это как будто древний воин на картине хмурился сквозь прорези шлема.

С броненосца спустили шлюпку, и вскоре на борт "Талии" во главе досмотровой партии поднялся флотский лейтенант в сверкающем новизной мундире. Был он молод, хорошо если на пару лет старше Маттео, но на моряков торгового флота смотрел с таким пренебрежением, будто не на палубу чайного клипера поднялся, а наступил на улице в конский навоз. Даже представиться не удосужился.

Маттео он не понравился с первого взгляда, и юноша решил отыграться. Он запретил военным спускаться в трюм. Лейтенант моментально вскипел.

– Как вы смеете так со мной разговаривать? – огрызнулся он на повышенных тонах. Матросы с катера тяжело вздыхали, но командира поддержать не стремились. Кое-кто из них, кажется, даже встретил на борту своих старых знакомых, и виновато переглядывался.

– Лейтенант, я всего лишь забочусь о вашем благе. Если вы спуститесь в трюм, то я буду вынужден на берегу сделать доклад, после которого вас повесят как шпиона, – зловеще усмехнулся Маттео. Получилось не очень, но флотскому и этого хватило. Он потянулся за саблей.

Ситуация принимала паршивый оборот. Маттео совершенно не хотелось выяснять, церемониальная она или боевая. Ему не раз доводилось участвовать в драках. А в Неаполе его несколько лет назад сильно полоснули ножом. Было очень больно.

Шкипер достал из-под зюйдвестки письмо от лондонского посланника, в котором говорилось про груз государственной важности, необходимость соблюдения строжайшей секретности и необходимость доложиться по прибытии в Ривальту лично начальнику Арсенала капитану Мерлино.

К всеобщему удовлетворению, флотский забыл, как дышать и побагровел. Потом все-таки взял себя в руки и приказал "Талии" встать на якорь до выяснения обстоятельств. В спешке спустился в катер и, обливая матросов потоками нецензурной брани, вернулся на броненосец.

На боевом марсе "Рокка" замелькали семафорные фонари, которым ответили огни на сигнальной башне в Новой гавани. Флотских сигналов на "Талии" никто не знал, поэтому о содержании переговоров оставалось только догадываться.

Через пару часов бестолкового ожидания из порта пришел флотский паровой катер. С него на борт поднялся полный офицер средних лет с огромными ухоженными усами, в мундире с эполетами и рядом орденов на груди. За ним последовала небольшая свита из младших офицеров. Оказалось, это и есть начальник Арсенала синьор Мерлино.

Он приказал “Талии” сниматься с якоря и следовать в Новую гавань, после чего ошвартоваться там у одного из причалов. Маттео это было не по душе – стоять в военном порту он не собирался, а на маневрирование туда-сюда по Ривальтийской бухте ушло бы полдня. С помощью буксира можно было бы обернуться быстрее. Но это не Фучжоу, о найме пришлось бы договариваться с администрацией порта. Куча бумаг, куча формальностей, в итоге затянулось бы на те же полдня.

Капитан лично спустился в трюм и бегло осмотрел груз орудий. Потом проверил документацию, которую извлек из сейфа Маттео. Потом соизволил испробовать подогретое рисовое вино хуанцзю – крепкий оранжево-красный напиток, пахнущий лекарственными травами. Шкиперу “Талии” оно не очень нравилось, но синьор Мерлино одобрительно крякнул. Маттео намек понял, и стюард передал адъютанту большого начальника красивую фарфоровую бутыль с экзотическим напитком.

Родная земля встретила экипаж “Талии” холодным ветром. Впрочем, все одно было теплее, чем в Лондоне. Рабочие Арсенала неожиданно споро разгрузили клипер, все бумаги были подписаны, и Маттео оставалось только ждать поступления на банковский счет семейной фирмы платы за фрахт.

Приливы, отливы и неблагоприятный ветер вынудили “Талию” провести ночь на внешнем рейде в компании “Рокка”. Только поздним утром клипер пришвартовался у родного причала. Там его встречала целая толпа.

Маттео обрадовался, увидев матушку и Катерину в первых рядах. Почти за год разлуки он успел соскучиться по ним. Плевать на условности и приличия – юноша крепко обнял своих родных.

– Катерина, как ты выросла! – удивился он. Сестра с зимы действительно вытянулась, лицо ее стало менее детским. У матушки добавились морщины, которых раньше не было – или он просто не замечал?

Потом Маттео обнаружил, что пожимает жилистую руку шкипера Феррара, а его окружили многочисленные отпрыски семьи. Чуть поодаль радостно улыбалась синьора Феррара… а прямо перед ним светилась от счастья Марианна.

– Здравствуй, Маттео. Я очень скучала.

– Здравствуй, Марианна. Ну я же вернулся в Ривальту, цел и невредим, так что волнения были впустую.

Маттео улыбнулся девушке. Но не так, как раньше, в Лондоне, Амабиле. Марианна была всего лишь ещё одним другом, которых у юноши было множество.

Толпа постепенно рассеивалась по пути в город. Бертрам тащил на тележке сундук, матушка и Катерина засыпали Маттео вопросами, на которые он не успевал отвечать.

– Вечером, вечером! – защищался он. Вечером Бенедетти устраивали традиционный ужин для друзей. Так делали всегда, когда глава семьи возвращался из дальнего плавания.

Маттео сам удивился, с каким огромным удовольствием он перешагнул порог родного дома. Как бы он ни любил “Талию”, как бы не был привычен к своей кормовой каюте, но человеку нужно временами чувствовать твердую землю под ногами, спать на мягкой постели и видеть над головой крышу, которую не захлестывает водой через люки.

Вскоре из порта доставили на трех запряженных ослами телегах многочисленные подарки, которые Маттео привез из дальнего плавания – шелк из Китая и твид из Англии, фарфор, рисовое вино, груду безделушек, несколько ящиков шотландского виски и даже одну из итальянских акварелей Уильяма Тёрнера в коллекцию Катерины. Последнюю Маттео купил почти случайно, когда от скуки посетил один из лондонских аукционов.

Вечером у Бенедетти было многолюдно. Пришли Феррара со всем своим выводком – в этом доме детям были всегда рады. Пришел отец Вито. Пришел доктор Скьявоне с супругой. Шкиперы с семьями. Всего собралось около полусотни человек.

Маттео принимал поздравления с успешным возвращением из плавания и раздавал подарки. Матушка и Катерина еще днем получили шелк, твид, нефритовые статуэтки и картину. Тёрнер уже висел на видном месте в гостиной.

Маттео впервые сидел во главе стола. Матушка позаботилась о том, чтобы стул поменяли на подходящий для его роста. Слуги сбились с ног, подавая одну смену блюд за другой.

Вначале на столе оказались вителло тоннато и обжаренные с чесноком и мятой артишоки. Потом консоме и пьемонтские аньолотти (кухарка была родом из Турина). Потом запеченный в белом вине с оливками и кедровыми орехами сибас и фаршированный фазан с гарниром из спаржи. Сыры с медом и засахаренными фруктами. И на десерт – дзуппа инглезе и каштаны в сахаре. Все это запивалось немалым количеством вина.

Подобное пиршество обошлось лир в четыреста, прикинул Маттео. Но какая разница, пока все искренне радовались?

Торжество омрачало только воспоминание о Симоне Марчетти. Близких друзей в этом кругу у него не было, но он был много лет знаком со всеми присутствующими. Маттео провозгласил тост в память своего погибшего старпома, и на некоторое время застольная беседа превратилась в поминки по покойному. Самому Маттео предстояло еще посетить вдову, а потом дать показания в суде, который должен официально признать Марчетти погибшим.

Но больше внимания уделялось рассказам Маттео о плавании. Многие гости жили морем, и их интересовала каждая техническая деталь. Остальных же больше интриговал далекий загадочный Китай.

Всех удивила история о женщине-шкипере. Кое-кто из присутствовавших был знаком с синьорой Риччи и помнил, как она несколько лет водила судно вдоль итальянских берегов. Но одно дело – крохотный полакр в знакомых до последней рыбешки водах Тирренского моря, а с другой стороны – провести клипер через два океана в третий!

Когда мужчины перешли в гостиную, чтобы насладиться кофе и граппой, а дамы занялись в своем кругу сравнением подарков, разговор стал более серьезным. Маттео попросил рассказать, что известно о войне.

Но собравшиеся знали немногое. В газетах напечатали воззвание короля Франческо к подданным с обещанием быстро разгромить подлых торребьянкийцев. Сольдано было небольшим королевством, решительный генерал во главе профессиональной армии мог бы одним броском с границы захватить Ривальту. Но кажется враг тоже не спешил.

Ходили слухи о том, что торребьянкийцы пытались высадиться на Гранд-Асторелло. Королевский флот не дал этого сделать, но понес тяжелые потери. Но кое-кто говорил, что никакой высадки вообще не было, торребьянкийцы просто расстреляли старые деревянные корабли будто мишени, пока броненосцы готовились выйти в море.

О том, нужно ли опасаться крейсеров и приватиров, никто толком не знал. Пока что новостей о захвате сольданских судов не было. Однако ставки страхования взлетели в небеса.

Маттео предстояло уже наутро разобраться с этим. Должен ли он приказать своей флотилии оставаться в гаванях до конца войны? Или, наоборот, есть смысл ковать железо, пока горячо, и взяться возить военные грузы? Это были вопросы, на которые срочно требовались ответы.

Все хорошее подходит к концу, и даже такой вечер. Гости постепенно расходились – кроме младших Феррара, которые уютно сопели в гостевых спальнях особняка. Синьора Феррара осталась с ними – и со своей лучшей подругой синьорой Бенедетти. Шкипер же решил отправиться домой. Праздношатающихся хлыщей на ночных улицах Ривальты ждали неприятности. Но закаленного кабацкими драками и десятилетиями хождения по морям шкипера грабители трогать бы побоялись.

Маттео надеялся, что Марианна уйдет вместе с отцом. Но она осталась вместе с матерью и младшими братьями и сестрами. Тоже ничего нового – она часто гостила у Катерины. Особняк был достаточно большим, чтобы это не вызывало проблем.

Уставший юноша нацелился уже на уют и покой перины, но девушка застала его в гостиной. Уходить было невежливо.

– Маттео… – улыбнулась она. – Дай пожалуйста налюбоваться на тебя. Не верю, что ты тут.

– Не на что любоваться. Проиграл чайную гонку, первый помощник погиб, второй – ушел в другую компанию. Чуть не потонул на Темзе. Если бы не фрахт от короны, вообще бы в убыток вышел.

В его голосе прорезалась нотка нетерпения.

– Я молилась за тебя. Когда я на берегу, молитва – это все, что мне по силам. Видимо Он услышал. Хотелось бы мне сделать больше.

– Для этого нужно не только желание, но и деньги, и влияние. Синьорина Мариньолли никогда бы не вышла в море, если бы не была богата, несмотря на всю свою храбрость и силу воли.

– Она красивая?

– Да, – вздохнул Маттео. Глупо было скрывать – вся команда видела Амабиле, и уж скорее готовы были преувеличить ее достоинства. – Но красота – это внешнее. Она сильная и целеустремленная. Ее цель – сделать так, чтобы мир вокруг играл по ее правилам, чтобы ей не диктовали свою волю отец, старший брат или будущий муж.

Марианна тяжело вздохнула.

– Она тебе понравилась?

– Да. Сильно, – признался Маттео. Друзья же честны друг с другом в таких вещах, правда? – Но она сказала, что я пока что недостаточно успешен для того, чтобы претендовать на ее руку и сердце. Так что синьорой Бенедетти она в ближайшее время не станет.

– Это место уже занято, ты не забыл?

– Не забыл. Я думал о тебе, о нас с тобой. Не так часто, как ты того бы хотела, наверное, но думал.

Девушка вопросительно посмотрела на юношу снизу вверх.

– Может быть я еще незрелый юнец, но я совершенно не готов жениться на тебе, – наконец-то признался Маттео. – Ты хорошая, надежная, ты мой друг, о котором я с детства забочусь. Но я не думаю, что хочу видеть нас с тобой в одном доме каждый день.

Марианна поникла.

– Я не буду отказываться от супружеского долга, но никакого удовольствия это нам не принесет, – продолжил он. – Ты будешь скучать в ожидании меня, потому что мы будем достаточно богатыми для прислуги, делающей домашнюю работу. Но когда я вернусь, мы будем скучать вдвоем.

– Неправда. Я буду радоваться каждому моменту с тобой, Маттео.

– Мечты, Марианна. Ты разве не видела, как это бывает, когда семейная жизнь превращается в скучную обязанность? Когда мы принесем наши клятвы, то пути назад не будет. Мы католики, развод для нас невозможен.

– Мне не нужен путь назад. Я давно тебя жду, и подожду ещё. Сколько?

– Не знаю. Сердцу не прикажешь. Оно не бьется чаще при взгляде на тебя. Дружеская улыбка не разгоняет кровь.

– Что ты хочешь, Маттео?

– Свободы для нас двоих. Давай отложим возможную свадьбу хотя бы до конца войны. Сейчас все поймут, если мы не захотим праздновать в такое сложное для страны время, – усмехнулся юноша. Он второй день прокручивал в уме этот аргумент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.